

Рафаэль Дамиров

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ОБИТЕЛЬ ВЫЖИВШИХ

ТОМ I

Рафаэль Дамиров
Обитель выживших. Том 1
Серия «Обитель выживших», книга 1

<https://litres.ru/73592307>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди перестали быть людьми. Они не говорят, не чувствуют боли, не ищут еды. Только идут на любой звук и убивают. Их называют молчунами, и никто не может объяснить, что произошло. Нет вируса, нет привычного заражения. Есть лишь пустые города, страх и новое правило: чем тише ты себя ведёшь, тем дольше проживёшь.

Максим Беркутов, опытный оперативник, спасает случайных людей и собирает вокруг себя выживших. Его группа сталкивается с бандами и полчищами молчунов, шаг за шагом продвигаясь к разгадке происходящего. Они пытаются остановить «тишину».

Но вскоре становится ясно: у этой катастрофы есть источник. И тот, кто стоит за ней, опаснее любых мародёров и самих молчунов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	55
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рафаэль Дамиров

Обитель выживших. Том 1

Глава 1

Окрестности Белграда, Югославия , 1999 год

До «семьдесят шестого» мы топали минут двадцать. Он стоял чуть в стороне, на рулёжке военного аэродрома Батайницы.

Ступали по бетону, обходя лужи, оставшиеся после ночного дождя. Я стянул с головы чёрную трикотажную шапку. Пахло керосином и жжёной резиной.

— Фух... Чего нас так далеко высадили-то? — проговорил Серёга, поправив автомат на плече.

Вот и наш самолет. Советская военная птичка, безотказный транспортник Ил-76, распластался громадиной, свесив под крыльями четыре Д-30. На его фоне истребители югославских ВВС казались игрушками.

Нас уже ждали. Рампа грузового отсека опущена, а экипаж начал погрузку.

— Доброго всем, — едва поздоровавшись, загорелый летчик в форме стал сверять наши фамилии в списке сопровождающих груз.

А груз был особенный.

В команде сопровождения со мной Саня, Миха и Серый. Ребята бывалые, с боевым и оперативным опытом. Многое мы вместе прошли. Даст бог, многое и еще пройдем. Они первыми показали удостоверения.

— Не военный, — озвучил проверявший, глядя в мои документы.

— Как видишь... С другого ведомства.

— Но тоже в погонах, — кивнул тот.

Со стороны Белграда тянуло дымом. Войска НАТО уже две недели методично крошили инфраструктуру. В небе работали их самолёты ДРЛО, обеспечивая наведение истребителей и бомбардировщиков. Из Адриатики работала палубная авиация, а боевые корабли пускали крылатые ракеты «Томагавк».

Операция североатлантического альянса «Союзная сила», чтоб их. Чертовы амеры, как всегда, по-хозяйски решали, кому летать, а кому ползать.

Тем временем наш ящик подкатили к грузовому люку Ил-76 на грузовике «Ивеко» болотного цвета. Затем в грузовом отсеке его подтянули бортовыми лебёдками, завели по роликовым дорожкам внутрь. Притянули стропами к швартовочным узлам так, что люфта не осталось.

Я подошёл ближе к ящику, осмотрел его. Серый кожух без опознавательных знаков и всякой маркировки, тускло поблескивают свинцом свежие пломбы. И обычные навесные замки, при желании я такие проволокой вскрою.

Эх... тут нужен глаз да глаз.

По документам это оборудование связи, но по факту новейшая секретная система «Рубеж». Слишком серьёзная штука, чтобы светить ею на чужой территории, особенно сейчас.

Из кабины экипажа выглянул командир корабля.

— Здоров, через двадцать минут запускаемся, — сказал он, пожав мне руку. — Ни пуха нам.

— К черту.

Я провёл ладонью по кожуху «Рубежа». Металл тёплый, словно внутри что-то живое дышало. Там, под обшивкой, наша главная забота... и страхи врагов.

— Готов лететь в Россию? — сказал я тихо.

— Макс! — насмешливо окликнул Саня. — Ты что, с ящиком разговариваешь?

Ответить я не успел.

Вой сирены ударил по ушам, гулом прошёлся по нутру транспортника.

Твою мать!

— Воздушная тревога! — заорал командир. — По местам!

— В укрытие! — крикнул кто-то из сербов.

Те сорвались с места мгновенно, будто их сдуло. А нам негоже прятаться, нам взлетать нужно. Кровь из носа груз нужно доставить.

И тут — бахнуло.

Взорвались склады ГСМ. Пламя взвилось до небес, земля под ногами будто качнулась.

— Вот суки! С воздуха накрывают, — крикнул Миха.

Рампа пошла вверх, боковые створки сомкнулись, гермо-створка встала на замки. Внутри сразу стало глуше, будто нас отрезали от всего мира.

Бортинженер запустил первый двигатель. За ним второй, третий, четвёртый. Гул быстро набирал плотность, прошёлся вибрацией по полу и отдался в где-то в груди и ушах. Ил задрожал тяжело, готовый сорваться с места.

Мы покатались по рулёжной дорожке. За бортом мелькнули очертания командно-диспетчерского пункта, а сам аэродром накрыло чёрным смогом.

Я вошел в кабину лётчиков.

Ребята из экипажа в замешательстве переглядывались, и только командир громко говорил в микрофон гарнитуры.

— Взлёт своим решением! Отход правым. Набор эшелона 170.

Он повернул ко мне голову и как-то тихо сказал, будто сам не верил, что взлетим под обстрелом:

— Не хотели нас пускать. Но у нас приказ... Максим Саныч. Взлетаем.

— Приказ есть приказ, — кивнул я. — Значит, рискнем.

Я вернулся в грузовую кабину, к своим.

Самолет набирал скорость тяжело. То ли так и должно быть у гружёного борта, то ли время растянулось, и секунды

превратились в минуты. Переборки под ногами гудели, вибрация шла по корпусу. Значит, ещё катимся.

Что ж так долго?

— Чёрт, давай же! Ну! — выкрикнул Серега.

Тряхнуло, я схватился за стропу и уставился на «Рубеж». В голове одна мысль: только бы не оставить его на чужой земле.

Ба-бах!

Справа вспышка.

Взрыв вспорол край полосы. «Ил» качнуло и повело, но командир удержал направление. Нос начал подниматься медленно и с натугой.

Еще секунда... и...

Колёса оторвались от бетона. Вибрация исчезла, остался только рёв.

— Выше, выше, давай, родной, — шептал я.

Под нами дымная Батайница, дальше серое пятно Белграда, разрезанное вспышками.

— Есть отрыв!

— Уходим! Хрен вам!

Мужики загомонили, сбрасывая напряжение. Но зону поражения мы ещё не прошли.

Серый подошёл вплотную, почти касаясь плечом.

— Макс, если что, коды у меня, — сказал тихо. — На уничтожение. Но... сам понимаешь, что будет, если... бах.

— Если собыют, коды уже не понадобятся, — покачал я

головой. — Топлива-то под завязку.

Серый выдохнул сквозь зубы.

— Ух... Макс... пожить еще хочется.

— А помирать нам рановато, — улыбнулся я.

— Есть у нас еще дома дела... — закончил фразу уже Ми-
ха.

Где-то внизу снова ухнуло. Я провёл ладонью по кожуху
«Рубежа».

— Дойдём, — повторил почти беззвучно. — Дойдём обя-
зательно.

Наш Ил-76 уходил от горящего аэродрома, тяжело наби-
рая высоту. Я понимал: это только начало. Слишком вове-
ря накрыли Батайницу. Проведали, гады.

Я увидел в иллюминатор, как справа от нас показался нос
МиГ-29 сербских ВВС. К нам начали пристраиваться само-
лёты прикрытия.

— С-сук! Только бы выйти из зоны и набрать безопасную
высоту, — процедил Миха.

Высота сейчас — примерно полторы тысячи. Не высоко,
но уже не над самой землей. Шасси убраны, набор высоты
продолжается, и уши заложило. Идёт дело, идёт.

И тут снова рвануло.

Удар пришёл в хвост, будто по борту врезали кувалдой.
Самолёт тряхнуло так, что нас швырнуло на пол.

По фюзеляжу прошёл металлический стон. Где-то позади
засвистел воздух.

— Пробоина! — крикнул Саня, хватаясь за стропу.

Самолёт клюнул носом, а потом начал заваливаться вправо. «Илюшу» повело, а в животе неприятно ухнуло.

Запахло гарью и горячим металлом. Наша птичка натужно взвыла, будто перед смертью.

Края рваного металла дрожали в набегающем потоке. От хвоста шла вибрация, передавалась по полу, по креплениям, по всем косточкам.

Я добрался до рабочего места техника по авиационно-десантному оборудованию и схватил гарнитуру, чтобы выйти на связь с экипажем.

— Что там у вас?

В динамике хрипнул голос командира:

— Давление во второй системе падает!

— Скажи по-русски, Толя... Мы падаем?

Но я уже всё и так понял. По интонации сообразил.

— Мы... быстро снижаемся. Площадки для посадки не наблюдаю. Везде горы.

Я сглотнул. Конец? Вот так, в небе над чёртовыми Балканами?

В динамике снова голос:

— Парашютов нет, Максим Саныч! Приказ потому что... груз держим... до конца... Скажи ребятам.

— Они в курсе, — буркнул я и убрал наушник.

Мы и так всё понимали. Борт с таким грузом не покидают. Либо садимся, либо...

Шум вдруг изменился. Стал выше, с внутренним резонансом, будто самолёт заговорил на своём особом языке.

Я повернулся к «Рубежу». Звук шёл от него. Под серым кожаном проступило странное сияние. Сначала тонкая сияющая нить по стыку панелей. Холодный и глубокий свет, будто из космоса. Свечение усиливалось. Металл словно выпускал его изнутри.

Серый выдохнул:

— Твою ж... Макс... ты это видишь?

В отсеке вдруг стало светло как днем. Самолёт продолжал терять высоту, а «Рубеж» просыпался.

— Что за на-а?.. — выдохнул Серега.

И тут... Время будто споткнулось.

Шума почти не было. Только короткий глухой хлопок. Как если бы огромная ладонь накрыла мир. Серый что-то крикнул. Я видел, как он открывал рот, но слов не услышал.

Свет ударил по глазам – резануло прямо из кожуха прибора.

— Это не... Я коды не вводил! — беззвучно сорвалось у Михи.

Это было последнее, что я различил по его губам.

Ослепительная, нестерпимая вспышка. И... всё оборвалось.

Наши дни

Я открыл глаза и уставился в небо, голубое и чистое, до

какой-то странной неправильности чистое, будто в этом бескрайнем пространстве никогда не рвались бомбы и не тянулся дым. Первая мысль пришла такая спокойная, что даже обидно стало: всё, долетался, в рай оформили.

Листва над головой тихо шевелилась, свет струился сквозь кроны, где-то в ветках заливались птицы, и вся эта картинка выглядела настолько мирной, ну точно в горных высях.

За гранью смерти...

И тут я почувствовал, как задницу колет трава, холодная, сырая и вполне себе реальная.

Я дёрнулся и машинально ощупал себя, провёл ладонью по груди, по животу, почувствовал под пальцем старый шрам. Да что ж... Голый. Совсем без гардероба. Что тот король из сказки.

Завис на секунду, боясь пошевелиться снова. После такого крушения не факт, что я вообще целый, а не фрагмент тушки с чудом думающей головой. Медленно сжал пальцы, проверил ноги. Всё на месте. Я ещё раз провёл рукой по животу, перевел взгляд ниже и облегченно хмыкнул. Да, полный комплект, и Максик на месте, без потерь.

Но как?

Чудо, мать его. Аллилуйя. Поблагодарить бы кого-нибудь там... на небе? В общем, хвала любому главному за такую щедрость, я в этом не специалист.

Подышав ещё, я сел, потом поднялся, чувствуя под ступ-

нями траву и веточки. Никаких обломков самолета, ни запаха керосина, ни следов пожара. Только чудный лесок. Огляделся внимательнее, и сердце екнуло. Ели, берёзы, осины — наши деревца, русские. Сбитый прицел... как мне этого не хватало. Всё до боли знакомое, родное, будто из детства. Никакого тебе Белграда, никаких чужих пейзажей. Хотя... берёзки в Югославии тоже водятся, но какие-то другие. Поплевшее, что ли.

— Мы что, так быстро долетели...

Либо меня вырубило, либо всё, что было, оказалось глюком, причём уж слишком правдоподобным, с мельчайшими деталями, звуками, запахами.

В этот момент в плечо впился комар. Ай, гадина мелкая! Я даже усмехнулся от неожиданной радости. Боль есть, значит, я живой, и это всё не посмертная фантазия.

Рука будто сама собой хлестнула по коже, и комар превратился в тёмную кляксу, оставив после себя подтверждение, что жизнь, похоже, продолжается, пусть и в максимально странном виде. В голом, блин, виде.

Чуть поодаль донеслись голоса, сначала глухо, будто сквозь вату, потом отчётливее, с привычными интонациями и той самой хмельной раскатистостью, от которой внутри похорошело. Русская речь. Ну точно, маты наши, родные.

Раздери меня медведь... как бальзам на душу. Значит, не чужбина, не чёрт знает где. Значит, точно дома.

Мысль сразу дернулась в сторону другого: а где мои? Где

группа, борт, груз, из-за которого мы вообще чуть не сгну-
ли? Где обломки, если мы упали? Лес вокруг выглядел так,
будто тут десятилетиями ничего не происходило – стоит се-
бе, растёт, живёт. И густеет. Ладно. С этим потом разберем-
ся. Сначала нужно выйти к людям.

Я пошёл на звук. Поляна открылась резко, будто занавес
распахнулся. И первое, что удивило, из какой-то нелепой и
маленькой, почти игрушечной чуднОй колонки без проводов
орал Горшок:

— Будь как дома, путник, я ни в чем не откажу...

Дом, милый дом.

Но на поляне отдыхали явно не туристы. Бородатые мужи-
ки, кожаные жилетки, потертая джинса, нашивки, какие-то
клубные эмблемы, которые я сходу не разобрал. В центре
импровизированный стол из ящиков, на нём бутылки, пла-
стиковые стаканчики, шампуры с мясом, дым от мангала,
сложенного тут же из закопченных кирпичиков. Водка, шаш-
лык, мат и гогот, всё как на мужицкой пьянке.

У лесной кромки стояли байки, тяжёлые, в кастомных об-
весах, с длинными вилками, хром блестит, а чёрнота лака
так отлиывает на солнце, что у жука панцирь.

Среди мужиков мелькали несколько девчонок в косухах,
но их почти не видно за широченными спинами и забиты-
ми татухами плечами. У многих рисунки уходили до самых
пальцев.

Один из байкеров выделялся сразу. Высокий, угловатый,

в плечах сажень. Сизая борода, густая и растрёпанная, как пакля, нос по-бойцовски свернут набок, лоб покатым и тяжёлым, будто у неандертальца. Лицо такое, что лишний раз спорить не захочешь.

— Ну давайте, братья... — рыкнул он, поднимая пластиковый стакан с пойлом. — За удачное дельце, которое мы провернули.

Я сделал ещё шаг вперёд, и под ногой хрустнула ветка. Все сразу обернулись в мою сторону. Я и не пытался прятаться. Вышел из кустов прямо, как есть, не зажимаясь, не прикрываясь. Какой смысл?

Вышел, как будто меня этот лес и родил, прямо сейчас. Картина, конечно, получилась эффектная. Стаканы зависли в воздухе, кто-то так и замер с куском мяса на вилке, у нескольких рты приоткрылись.

И только одна рыжая девчонка, с волосами как пламя, сначала хихикнула, прикрыв рот ладонью, а потом замерла, глядя на меня уже без всякой стеснительности. Взгляд долго не отводила.

— Это что за на... — пробурчал бородатый, тот самый, похожий на медведя.

По всему выходило, что он здесь главный. Нашивок больше, рисунки плотнее, и эта их «хохлома» у него не только на руках, а уже лезла, будто чешуя дракона, на шею и щёку.

— Слышь, чудило... — выкрикнул другой байкер, тучный, с одышкой, которая слышалась, даже когда он просто

стоял со стаканом в руке и раздувал щеки, словно воздуха ему вечно не хватало. — Ты откуда такой вывалился?

Он говорил и тяжело сопел, и я невольно подумал, как его вообще мотоцикл выдерживает. Голоса превратились в гомон. Каждый высказывал свою версию.

— Да он, наверное, из этих, в городе... Слышали, парни? Придурки с ума сходят и нападают на прохожих. Что, в натуре не слышали? — поражался один, на фоне здоровяков казавшийся худым.

— Да он, вроде, смирный, просто без портков.

— Ага. Мухоморов объелся, — добавил кто-то сбоку. — Бывает, тут местные ходят за грибочками.

Рыжая хихикнула, бессовестно косясь на мое тело.

Я перевёл на неё взгляд. Волосы у неё были действительно как пламя, яркие, будто их однажды подожгли и оставили так. Лицо с боевым макияжем, глаза зеленые, что куски изумрудов на солнце. Фигурка худовата, но ничо так, упругие ляжки в джинсу затянуты, а кожа белая, почти фарфоровая. Слишком белая для лета. А в том, что сейчас лето, я уже не сомневался. Тепло, светло, и комары не дают расслабиться.

И то, что я в России, тоже было предельно ясно. Русская речь, привычные повадки, даже запах дыма и жареного мяса свой, родной.

Но одна деталь всё же зацепила. На столе стояла большая пластиковая бутылка с узнаваемой этикеткой, но надпись «Кола» шла белым по красному на русском. Шрифт,

вроде, знакомый, но... другой.

Я перевёл взгляд на байки. Несколько моделей показались странными. Не то чтобы я спец по мотоциклам, но уж таких форм и линий точно раньше не видел. Словно их делали чуть позже, чем я помнил.

Неприятное ощущение скользнуло внутри.

— Где мы находимся? — спросил я. — Какой ближайший город? Какое сегодня число?

Ответом мне стал дружный гогот.

— Ха, братаны! — глумился бородатый, тот самый главарь. — Точно грибник! Ваше потерялся. Совсем берега попутал.

— Гризли! — крикнул ему кто-то из своих. — Прогони его. Че он нам отдохнуть не даёт. Колбасой трясет. Ну!

Имя подходило ему идеально.

— Гризли, ставлю пузырь, что ты ему в бубен не сможешь настучать, — подал голос тучный, уже оживившийся и поймавший кураж.

— Чё это вдруг? — прищурился тот.

— Да смотри, — продолжил толстяк, кивая на меня. — Паря хоть и под кайфом, но явно не торчок. Банки видел? А шрамы? Сразу видно — боец. Кхе-хе!

Провоцирует грамотно. Народ хочет зрелищ. Эх... зря вы так с Максимом Александровичем Беркутовым.

— Ха! Боец, курам тындец! Сейчас проверим, — ощерившись, бросил Гризли.

Он отставил стакан, скинул кожаный жилет, больше похожий на панцирь и тяжело шагнул ко мне. Демонстративно и, красуясь, встал напротив, чуть согнул колени, плечами подался вперёд, подняв кулаки. Стойка у него была житейская, из тех, что набивается по подворотням.

— Ну что, чудило, готов? — хрипло произнес он, сплюнув.

Потом, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— А ты, Круглый, готовь пузырь. Просрал ты спор.

— Я не хочу драться, — сказал я ровно.

Толпа тут же заржала.

Гризли оскалился, показал жёлтые зубы и снова сплюнул, но уже мне под ноги.

— А придется.

Я выдержал паузу, подождал, пока затихнут, и спокойно сказал:

— Мне нужна твоя одежда и мотоцикл.

Секунда тишины, и поляна взорвалась смехом. Кто-то даже закашлялся, поперхнувшись. Одного пополам скрутило.

Гризли откинулся назад, тряся бородой, смеялся широко, так что я видел его глотку, жёлтые зубы и тёмный язык, и в этом смехе уже слышалось предвкушение.

— Не, вы слышали, парни? Сука... — хохотал Гризли, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Он мой байк хочет забрать. Мой «Вепрь».

Он ещё не до конца отсмеялся, когда всё резко измени-

лось. Без предупреждения, с разворота, его кулак вылетел в сторону моего лица – быстро, как выстрел. Удар был поставленный, и лежать бы мне сейчас в траве, считать звёзды, если бы я не ждал этого.

Тело сработало само. Уход в сторону, уклон, плечо чуть вниз, и в ту же секунду ответка. Двочка, коротко и чётко.

Раз, два!

И следом нога в живот. Удар лёг как надо, чуть ниже пупа. Гризли согнулся, будто складной нож, захрипел, завалился на колени, изрыгая мат через сжатые зубы.

— Ах ты, сука... убью...

Подняться он сразу не смог.

— Эй, урод, ты охренел? — загудели вокруг.

— Вали его!

Кольцо смыкалось. Нехорошо.

— Не трогать! — рявкнул Гризли, пытаясь вдохнуть. — Я сам... сам урою чертилу!

Ему помогли подняться. Он, покачиваясь, дошёл до своего «Вепря», сунул руку в кожих и вытащил оттуда двуствольный обрез с потертым воронением. Переломил, проверил патроны.

Щелк!

Развернулся и навёл на меня:

— Ну что, урод... Куда тебе? В яйца или сразу в лоб?

Ствол ходил вверх-вниз, делано лениво, как будто он играючи выбирал, с чего начать. На поляне стало тихо. Даже

колонка как будто притихла, или это у меня в голове всё ушло в глухоту. По лицам всей компании было видно, что старший не шутит.

— Не надо, Гризли! — вдруг выкрикнула рыжая. — На мокруху мы не подписывались. Нас и так, блин, ищут.

Он дернул на неё злой и короткий взгляд.

— А тебе что? Хрен его понравился? Защищаешь...

Схватил её за руку, притянул к себе, попытался прижать, поцеловать — грубо и напоказ. Она вывернулась и отскочила в сторону.

Похоже, его тёлка. Только сейчас она стояла не на его стороне.

— Иди сюда, Искр-ра! — рявкнул он, не отводя от меня стволов.

Она не пошла.

— Отпусти его, говорю. Башку включи. Не надо лишнего шума.

— А то что будет? — не вняв, хмыкнул он.

— Кончай его, Гризли! — донеслось из толпы. — Прикопаем в леске.

Я не стал ждать, пока они договорятся. Таких разговоров я слышал достаточно, и всегда они заканчивались одинаково.

Всё решилось за долю секунды.

Я рванул вперёд, перехватил его руку с обрезом, одновременно уходя корпусом в сторону. Грохнул выстрел, ударил по ушам, картечь ушуршала по листьям куда-то в лес.

Я провернул оружие, выворачивая его кисть, потому что пальцы застряли в спусковой скобе. Он зарычал, дернулся. Доворот, и вот он уже лежит в траве, а волина у меня в руках.

Несколько байкеров сразу дернулись вперёд.

— Стоять! — рывкнул я, разворачивая ствол по дуге и переводя с одного на другого.

Они замерли. А я уже держал на мушке всех. Туда-сюда угрожающе ходит обрез.

— Один патрон ещё есть, — сказал я, медленно проводя стволом по горизонтали, чтобы каждый прочувствовал, что это не блеф. — Кто первым дернется, стреляю в живот. Сдохнешь не сразу. Будешь корчиться пару часов, кровью захлёбываться. До больницы отсюда не довезут, растрясёт по дороге. А если и довезут — пожалеешь, что не умер сразу.

На поляне повисла тишина. Байкеры молчали, только смотрели, зло, с прищуром, но никто не решался сделать хоть шаг вперёд.

Гризли лежал на земле, перекосив бородатую морду от боли и ярости, и пытался дотянуться рукой куда-то за спину. Я шагнул ближе, не спуская с остальных обреза, и резко выдернул нож, который он прятал за спиной. Тут же приставил лезвие к горлу, так, чтобы он почувствовал кромку металла.

— Шевельнёшься — вскрою. Снимай одежду.

Главарь нехотя встал.

— Сука... найду... урою... — процедил он сквозь зубы.

Я без лишних слов с силой ткнул его стволами в живот,

чтобы быстрее дошло. Он всхлипнул, дернулся, но удержался, даже не вскрикнул. Упрямый, тварь.

— Раздевайся уже.

Он принялся стягивать с себя рубаху, всё с тем же взглядом, в котором кипела смертельная ненависть.

— И шузы давай, — приказал я.

— Чё?..

— Ботинки.

Кивнул на его ноги. Он замер на секунду, потом, стиснув зубы, стянул и их. А затем и джинсы.

Десятки глаз вонзились в меня, и только одна пара выбивалась из общего фона. Рыжая. Искра. Смотрела не как остальные. В её взгляде было что-то вроде интереса, может, скрытого восхищения, и это ощущалось даже сквозь расстояние.

Ключи я нашёл быстро, в кармане его джинсов. Самое неприятное началось дальше. Одеваться одной рукой, держать обрез и следить за толпой — задача ещё та. Пальцы путались, ткань цеплялась, но я справился. Хорошо, что огнестрела больше ни у кого не оказалось. Иначе разговор бы быстро повернулся не в мою пользу.

Натянув одежду и ботинки, я подошёл к «Вепрю», перекинул ногу через седло и попытался завести. Щёлкнул. Тишина.

Ещё раз. Ноль.

— Да что за...

Мотоцикл выглядел незнакомо, и управление оказалось непривычным. Что-то здесь было не так.

— Там кнопочку нажать надо, — спокойно подсказал женский голос.

Я повернул голову. Искра поджала губы.

Нашёл переключатель, передвинул, нажал. Двигатель ожил, мощно зарокотал — с вибрацией, которая прошла по раме и отдалась в ладонях. Я устроился в седле и расставил ноги на рифлёных подставках.

— Сучка... — прохрипел Гризли. — На хера ему подсказала?..

— Да он бы и так разобрался, — отрезала она.

Пощёчина ей прилетела резко. Звук звонкий и неприятный. Рыжая отлетела в сторону, упала на траву, но почти сразу упрямо поднялась.

— Тварь... — выдохнул он, делая шаг к ней.

Она отскочила, увернулась, когда он попытался схватить её за волосы, и в следующую секунду вцепилась зубами ему в запястье.

— Ай, сука!

Он дёрнулся, выругался, попытался её ударить, но она уже вырвалась.

— Иди сюда, сучка, — сипел он, теряя остатки контроля.

— Да пошёл ты! — отступала девушка.

А потом вдруг выдала:

— Чертов идиот. Я уезжаю с ним. Иди в жопу со своими

понтами.

Гризли замер на секунду. Потом пригляделся к ней, и крупное лицо его неприятно перекошило.

— Чё?.. Ты чё сказала...

Искра сорвалась с места, будто решение приняла ещё раньше, а теперь просто ждала момента. Подскочила ко мне, прижалась, рукой схватила меня за плечо, будто я уже был единственным шансом.

— Возьми меня с собой... — прошептала быстро, почти не шевеля губами.

Я, не поворачиваясь к ней, покачал головой.

— Зачем ты мне нужна? У меня своих дел по горло, ты даже не представляешь...

После взрыва этот мир казался мне странно мирным, почти даже сказочным — хотя минуту назад мне пришлось биться за свою жизнь, это можно было отместить как мелочь. Они не поймут, но я должен, должен узнать. И как можно скорее.

— Пожалуйста... — она сжала пальцы сильнее, в голосе прорезалась мольба. — Он меня приберёт, если останусь.

Её рыжие волосы щекотали мне шею и руку. Я повернул голову и на секунду задержал на ней взгляд. Она не притворялась и не играла. Во взгляде читался страх, смешанный с природным упрямством.

— Дорогу до города покажешь? — прищурился я.

— А то, — кивнула она быстро.

— Ладно. Но только до города.

— Спасибо... спасибо... — торопясь, зашептала она, будто боялась, что я передумаю.

Я проверил хват, и в этот момент она уже запрыгнула на место сзади. Обняла меня за талию, прижалась крепко, так, что я почувствовал её дыхание на затылке.

Обрез я сунул в боковой кофр. Рука автоматически проверила, всё ли на месте.

Передача. Газ.

Двигатель рыкнул, «Вепрь» сорвался с места. Я на секунду оглянулся.

Байкеры стояли, как опустошенные. Кто-то скалился, кто-то плевал нам вслед, кто-то просто смотрел, прищурившись, запоминая. Их железные кони стояли здесь же, рядом. И ни один не рванул за нами. Помнили мои слова про выстрел в живот.

И только Гризли, держась за покусанную руку, смотрел так, будто уже предвкушал, что совсем скоро будет меня резать на ремни.

Искра же повернулась назад, махнув рыжим водопадом, и показала им длинный, демонстративный фак, выставив палец с красным ногтем, ярким, как стоп-сигнал. Жест получился издевательский, словно она ставила для себя жирную точку во всей этой байкерской истории.

Я отвернулся и дал ещё газу.

Глава 2

Я выскочил из леса на трассу, асфальт под колёсами сменил мягкую землю, и мотоцикл сразу пошёл ровнее. Ветер ударил в лицо, двигатель заурчал глубже, и мир вокруг будто ускорился.

— Город там! — пытаюсь перебить рёв мотора и свист в ушах, крикнула Искра, вытянув руку вперёд.

Я кивнул, хотя она это могла понять разве что по моему затылку. Нужно было добраться до связи, выйти на контакт, понять, где я и что вообще происходит. Всё остальное — потом.

Но и сейчас внутри уже, как заноза, сидело неприятное ощущение. Что-то не сходилось. Это была Россия, да. Лес, дорога, люди, речь — всё своё. И в то же время... не то. Не та Россия, в которой я жил.

Пальцем, правда, не ткнёшь, что именно не то... Да и ладно. Разберусь.

Навстречу проскочили несколько машин. Блестящие, зализанные, с чёткими и одновременно плавными линиями, будто их создавали для кино про будущее. Таких я точно раньше не встречал.

Дорога пошла вправо резко, закрывая обзор. Я сбросил скорость, корпус чуть наклонил, входя в поворот. Асфальт тянул в сторону, и в следующий момент я выкатился за из-

гиб.

И сразу упёрся в патруль.

Дорога была перекрыта. Машины с включёнными проблесковыми маячками, тачки белые, с синими полосами. Знакомо. Только надпись на боку резанула глаз.

Не «Милиция», а... «Полиция».

Сбитый прицел... Это что еще за кино?

— Это кто такие? — выдохнул я, уже тормозя.

— Атас! — крикнула Искра. — Менты!

Впереди стояла «буханка», рядом пара легковушек, а чуть в стороне — внедорожник с эмблемой УАЗа. Только выглядел он вообще не как уазик. Тоже какой-то футуристичный. И точно не из тех, что я помнил.

Картина начала складываться. Медленно и с неприятной неоспоримостью.

— И давно менты в полицию переобулись? — бросил я через плечо.

— Давно, — коротко ответила она. — Разворачивай, мистер ню!

Я потянул руль, уже прикидывая, как уйти назад, но было поздно.

Из громкоговорителя ударил сухой голос:

— Приказываю остановиться. Заглушите двигатель. В противном случае будет открыт огонь на поражение.

Из «буханки» высыпали сотрудники. Форма тёмно-синяя, бронежилеты, автоматы наготове. По бокам встали двое в

светоотражающих жилетах с надписью “ДПС”.

Стволы коротких калашей смотрели прямо на нас. Я стиснул зубы. Бежать сейчас — значит получить очередь в спину. А в душе крепло предчувствие что во второй раз я вот так вот в лесочке не проснусь. Второй раз явно последний.

Так что я сбросил газ и остановил мотоцикл. А к нам уже бежали в брониках.

— Руки! — рявкнул один из автоматчиков. — Спиной повернулись! Руки не опускать!

— Спокойно, командир, свои... — автоматически начал я тянуться за ксивой.

И только в этот момент понял, что у меня ее нет. И вообще ничего нет. Я же в этот мир вошёл голым, как младенец. Черт. Пришлось делать, что говорят.

Холод металла на запястьях, щелчок, наручники сели плотно. Раньше я другим браслеты надевал, а теперь вот мне. Сзади дёрнулась Искра, коротко выдохнула, когда её тоже заковали.

— Отвали! — прозвенел ее голос. — Ка-азёл.

Нас развернули и повели к машинам.

Я уже точно знал — это не просто «что-то не так». Это совсем другой мир. Вернее, мир-то мир, но эдак через -дцать лет. Это уже ясно, потому что трассу украшал яркий и даже почти не грязный баннер: «Выборы 2026».

Из внедорожника с некоторым усилием выбрался тучный подполковник, ступенька далась ему с трудом. У всех на ру-

кавах, на шевронах, значилось “МВД России, полиция”.

— Товарищ подполковник! — доложил автоматчик. — Один из тех байкеров. Взяли.

— Вижу, — буркнул тот, снимая фуражку и вытирая лоб рукавом форменной рубашки.

Он подошёл ближе, посмотрел на меня, на рубаху в черных разводах, которая сидела на мне свободно, прищурился, будто пытался сразу понять, кто я и сколько с меня можно выжать.

— Ну что, мужик, рассказывай, — хмыкнул он. — Где остальные?

— Какие остальные?

— Ага... Ваньку валять потом будешь. Документы есть?

— Нет.

— Фамилия, имя, отчество?

Я задумался. Светить свои данные или нет, вопрос щекотливый. С одной стороны, согласно протоколу безопасности на случай утраты доков и если отбился от группы, я обязан сообщить в ближайшее отделение для связи с оперштабом. С другой — если здесь всё не так, как хотелось бы, можно ненароком вляпаться глубже. Сколько ж это лет прошло, как мы разбились? Ну не могли же они летоисчисление помечтать. Где теперь те протоколы? На их место наверняка пришли другие.

Но и молчать — значит сразу попасть в категорию подозреваемых.

— Мне нужно связаться с генерал-лейтенантом Сорокиным. Заместителем министра МВД.

Подполковник усмехнулся.

— Конечно. Сейчас позвоню. Он у меня тут, в телефоне его контакт забит.

— Позвоните, — сказал я. — Это срочно.

Он достал из кармана плоский прямоугольный прибор, тонкий, с ярким экраном. На секунду я завис. Допустим, это телефон. Только совсем не тот мобильный, что я помнил. У нас такие, кирпичами были, с антеннами. А тут, как из фантастики, больше мини-телевизор напоминает.

Он что-то ткнул пальцем на приборе, провёл по экрану, даже не глядя на меня. Подошёл ближе и вдруг ударил кулаком в живот. Я выдохнул, чуть согнулся, но удержался, не дал слабину.

— Ты чего творишь... — процедил я, поднимая взгляд.

— А ты мне ещё позубоскаль, — лыбясь, ответил он. — Сорокин уже лет пятнадцать как не работает. Да и в Москве он сидел, а не в нашем мухосранске. Представление решил тут мне устроить?

Внутри окончательно щёлкнуло. Я не в своем времени. И поменялось явно многое.

— Фамилия, имя, отчество, — повторил он уже жёстче.

Я молчал. Думай, Максим Александрович, думай... Но ничего не придумывалось.

— Да что с ним церемониться, товарищ подполковник, —

подавал голос один из сотрудников, с прыщами на щеке. — В отдел его, опера расколят.

— Без сопливых разберёмся, — отрезал подпол. — Давай, в машину пакуем.

Искру оставили снаружи. Меня же повели к «буханке», распахнули дверь, затолкнули внутрь.

Салон оказался переоборудован под мобильный кабинет. Столик, крепления, аппаратура. Подпол сел напротив, развалился, как у себя дома. Рядом устроилась девушка, судя по виду — следователь. Быстро разложила бумаги, достала ручку, приготовилась писать. Следом влез ещё один субъект. Щуплый, в очках, с куцей бородкой и чемоданом в руках. Чемодан тоже странный, обтекаемый, гладкий, как будто его делали для выставки.

— Корягин, — бросил ему подполковник, — можешь этого пробить по «Папилону»?

— Так точно, товарищ подполковник, — оживился тот. — У меня мобильная станция с собой. Сейчас удалённо сделаем.

Он поставил чемодан на стол, щёлкнул замками, открыл. Внутри оказался прибор, которого я раньше не видел. Компактный, с экраном, подсветкой и чем-то диковинным, вроде сканера.

— Пальчики приготовьте, гражданин, — добавил он, уже включая систему.

Оказалось, что эта штукавина — считыватель отпечатков

пальцев. Никакой тебе черной пасты и бумаги. Я откинулся на спинку сиденья и уставился на прибор, который тихо жужжал, готовясь к работе. Технологии, значит. Плоские телефоны, мобильные лаборатории, машины как из кино.

Похоже, я попал в будущее. В другой ситуации я бы, наверное, завис, начал разбираться, задавать вопросы. Но когда выжил после крушения «Илюши» и вышел к байкерам с голой задницей, удивляться уже как-то не приходилось. Главное, жив, а с остальным разберемся.

Если меня выкинуло сюда вот так, то что с остальными? Погибли? Или их тоже разбросало? Если я выжил, шанс есть и у них. Должен быть.

И вот ещё вопрос: что случилось с грузом? Где «Рубеж»? Сейчас, получается, судя по предвыборному баннеру, 2026-й. Моё руководство сейчас, возможно, уже на пенсии или вообще лежит в земле. И груз этот, за который мы головы подставляли, давно никому не нужен. Хреново. В этот момент я вспомнил про обрез, который забрал у байкера. Он лежал в кофре мотоцикла, и, судя по всему, его ещё не нашли.

— Вот сюда пальцы приложи, — скомандовал щуплый. Эксперт-криминалист, значит. С бородёнкой, в очках, с игрушкой из будущего. Интересно, у них тут теперь так можно – небритым на службу ходить?

Я приложил пальцы к стеклу. Прибор ожил, зажужжал, сканируя узоры, и тут же пошёл поиск.

— Ну что там, Корягин? — нетерпеливо постучал по столу подполковник.

— Есть совпадение. Личность установлена, Павел Алексеевич, — оживился тот. — Но...

И тут же замялся.

— Ну что «но»? — резко спросил подпол. — Говори.

Корягин развернул к нему экран, наклонил.

— Сами посмотрите...

Подполковник прищурился, начал читать вслух, сначала спокойно, потом всё медленнее.

— Так... Беркутов Максим Александрович.

Я внутренне усмехнулся. Нашли.

— Дата рождения...

Он запнулся. Пригляделся внимательнее.

И тут у него глаза полезли на лоб. Он снял фуражку, провёл ладонью по лицу.

— Слушай, Корягин... — тихо сказал он. — Тут ошибки быть не может? Он же... лет на тридцать старше должен быть. Уже солидный дядька. А этот...

— Ошибка исключена, товарищ подполковник, — сразу ответил тот. — Я ещё вручную проверил. Всё сходится.

В салоне повисла тишина. Подполковник медленно поднял глаза на меня. Я встретил его взгляд.

Он снова глянул в экран и дочитал.

— Майор милиции... Спецотдел... по линии Интерпола... — пробормотал подполковник, глядя в экран. — Хрень

какая-то...

Он поднял на меня глаза с подозрением и злостью.

— Как ты это сделал? Пальчики свои подделал? Это че, теперь можно и так? Операция какая-то хирургическая?

— Нормально ваша штука работает. Я и есть Беркутов, — спокойно ответил я. — Позывной «Беркут».

— Ты мне дичь не гони, смотри сюда. Беркутов пропал без вести весной девяносто девятого. Признан погибшим.

Я пожал плечами, насколько позволяли наручники.

— Извиняй, командир, — я смотрел прямо на него. — В коме лежал. В больничке. Все думали, что задвухсотился, ан нет. Обошлось.

— В какой больничке? Что ты мне тут чешешь?

— Не помню. Память отшибло. Еще в себя не пришел полностью.

— С-сук... — выдохнул подпол.

— Вот бы прокапаться под наблюдением врачей, — продолжил я. — Полежать, в себя прийти. Вези меня в госпиталь, коллега.

В дверь «буханки» постучали, она распахнулась, и внутрь сунулся автоматчик с моим обрезом в руках.

— Товарищ подполковник, смотрите, что в мотоцикле наши.

Он протянул оружие вперёд, довольный, как будто раскрыл громкое преступление.

— Это точно он. Из тех, кто разбойные нападения на за-

правки делали. Банда байкеров.

Подполковник довольно хмыкнул, посмотрел на обрез, потом на меня:

— Ну вот... А то ишь — Беркутов, майор полиции. Бандит ты... с большой дороги. И мотоцикл, и ствол, все как в ориентировках.

И тут же повернулся к автоматчику:

— А ты, придурок, на хрена обрез лапаешь? Там же пальчики его.

— Ой... виноват...

Тот, не придумав ничего лучше, просто бросил обрез на пол салона, будто обжёгся. Следачка взвизгнула, подполковник дёрнулся назад.

— Ты дебил? — рявкнул старший. — А если бы он пальнул от удара?

— Виноват...

— Виноват он. Пшёл!... Щеглов, забери обрез, понятых обеспечь. А ты, Корягин, пальчики сними, пока не залапали окончательно.

— Есть, — коротко ответил эксперт.

Все быстро высыпали наружу.

— Ты тоже давай, — бросил подполковник следачке. — Я с ним один потолкую.

Она собрала бумаги в планшетку, вышла, захлопнув дверь. Мы остались вдвоём. Подполковник немного подался вперёд, положил локти на столик, посмотрел на меня внима-

тельно.

— Короче, — сказал он. — Предлагаю сотрудничать со следствием. Ты сдаёшь своих подельников, это тебе зачтётся. Серия разбойных нападений на автозаправки, группой лиц, с применением оружия. Подозреваемые передвигаются на мотоциклах. Обрез – вот этот как раз. На камерах-то всё есть.

Он постучал пальцем по столу.

— Лет десять-пятнадцать обеспечено. Можешь себе ско-
стить срок, если следствию поможешь.

Я посмотрел на него спокойно.

— Байкеры – в лесу. А я Беркутов, майор милиции. Паль-
цы не врут. Я угнал у них мотоцикл, забрал обрез и девку
вывез, они ей угрожали. Спросите у неё, подтвердит.

Он хмыкнул.

— Если твоя девка, она тебе хоть что подтвердит.

— Тогда спросите у байкеров.

— Их ещё найти надо, — прищурился подполковник. —
Где, говоришь, они?

— Могу показать.

Он посмотрел на меня внимательнее, с сомнением, пытал-
ся понять, где подвох.

— Вот так просто? Сдашь своих? Смотри мне. Если иг-
рать вздумал...

— Расслабь булки, подполковник. Они мне не свои. По-
ехали, покажу, — перебил я. — А потом уже будешь догадки
строить.

Он с секунду ещё подумал, потом резко распахнул дверь.
— Эту рыжую сюда! — рывкнул наружу. — Поехали. Подозреваемые рядом, в лесу. Сообщите дежурной части, выдвигаемся на задержание.

— Товарищ подполковник, может, подкрепление? — осторожно спросил один из автоматчиков.

— Ты что, байкеров испугался, Петрухин? — хмыкнул тот.

— Так они же вооружённые...

— Один обрез на всех, — отрезал подполковник. — И тот мы изъяли. Очевидцы больше стволов не видели. Справимся. В городе и так бардак, народу не хватает. Драки, вызовы, всё валится сегодня. По коням.

Искру, наконец, тоже затолкнули внутрь.

Колонна тронулась почти сразу. «Буханка» впереди, за ней остальные машины. Внутри пахло пластиком, потом и чем-то химическим от аппаратуры. Я сидел напротив подполковника, рядом сверкала зелеными глазами Искра, сбоку — автоматчик с тревожным взглядом.

Я машинально попробовал пошевелить кистями. Наручники сидели плотно. Вот бы проволочку или скрепку — вскрыл бы в два счёта. Только смысла в этом никакого. Куда бежать, если сам ещё не понимаю, где я.

— Прямо по шоссе, — сказал я. — Дальше покажу, куда свернуть.

Искра повернула ко мне голову и зло прошипела:

— Ты что творишь? Хочешь легавых на братву навести?
Я чуть наклонился к ней, чтобы слышала только она.

— Девочка... я сам легавый.

Она замерла на секунду – не поверила, а я продолжил:

— Не обессудь. Похоже, твоих дружков подозревают в серии преступлений...

— Да пошёл ты... — выдохнула она.

Дёрнулась – может, хотела пощечину залепить, но наручники не дали ей толком размахнуться.

Отморозки в любом времени одинаковые. Я всю жизнь только и делал, что ловил таких, пока не попал в спецотдел и не оказался в той самой группе, которой поручили захват и вывоз комплекса «Рубеж». И, судя по всему, мы операцию не завершили. Разбились. Надо будет обязательно узнать, что там вообще было. И, черт побери, где меня мотыляло столько лет. Хотя это, выходит, не спячка была, а перескок во времени случился, и на мой вопрос про президента Ельцина подполковник лишь хохотнул: «Ну артист!»

Значит, точно перескок.

Рация в машине зашипела, затрещала, искажённый помехами голос прорезал салон:

— Внимание всем нарядам... драка... прибыть.... кх-х...

Все сразу насторожились. Даже подполковник перестал смотреть на меня и повернул голову к динамику. Рация затрещала сильнее, голос на этот раз прорезался чётче:

— Всем нарядам... срочно... центральная площадь...

массовые беспорядки... повторяю...

В салоне на секунду стало тише.

— Да что там творится... — пробормотал подполковник, уже без прежней уверенности.

— Говорят, обострение какое-то... — нервно вставил автоматчик. — У психов агрессия пошла. Люди... нападают друг на друга.

— Да сказки это, — буркнул водитель, но голос у него дрогнул. — Просто футбольные фанаты барагозят.

— Не сказки, — отрезал Петрухин. — Слыхал, что на улицах люди кидаются друг на друга. Ни с того ни с сего.

— Ой, Петрухин, заткнись, — раздражённо бросил подполковник. — Нам сейчас байкеров брать надо.

В этот момент в его кармане заиграла мелодия. Он скрипел, достал телефон, ткнул пальцем.

— Слушаю.

Пауза.

— В смысле, возвращаться в город? Мы их почти взяли... это ж...

В трубке не стали его дослушивать, продолжали говорить — слов я не слышал. Подполковник нахмурился сильнее, цедил в трубку:

— Слышь, ты... ты как со старшим по званию разговариваешь?

Я невольно усмехнулся.

— Ну и что, что приказали? — продолжил он. — Да мне

похрен, я еду задерживать подозреваемых... И точка! Всё. Отбой.

Он резко сбросил звонок.

— Павел Алексеевич... — осторожно начал водитель. — Что будем делать?

Машины сзади уже начали поворачивать, колонна, как по команде, пошла назад, в сторону города.

— Твою ж... — подполковник сжал пальцами челюсть и посмотрел в окно. — Жёванный протокол...

— Они нас бросили, — пробормотал автоматчик.

— Приказ – срочно в город, — вставил водила. — Все наряды, все автопатрули.

— Ну и хрен с ними, — отрезал подполковник. — Сами справимся.

— Павел Алексеевич... — голос у Петрухина уже заметно дрожал. — Как же справимся? Их же много...

— А автомат тебе на что дан? — раздраженно спросил тот. — Положим мордой в землю, если что, а потом вызовем помощь.

— А если никто не приедет? Приказ общий...

Старший посмотрел на него и сказал уже совсем другим тоном, без эмоций:

— Тогда расстреляем на месте. В связи с невозможностью доставить в отдел.

В салоне повисла тяжёлая пауза.

— Как... расстреляем? — выдохнул Петрухин.

— Ну не отпускать же бандитов.

— Я... я не убивал людей... — автоматчик сглотнул.

— Тьфу... Откуда ж вас таких берут... — устало пробормотал старший.

Я наклонился вперёд.

— Слушай, подполковник... Какой сейчас год?

— Не беси меня, эрзац, — отрезал он. — Ты, похоже, тоже из этих... С придурью.

— Да-да, — подхватила Искра. — Он точно из них. Голый из леса вышел, кипиш устроил.

— Голый?.. — он посмотрел на меня с новым интересом.

— Извращенец, что ли...

— Значит так, Павел Алексеевич, — твердо сказал я. — Сними с меня браслеты, дай ствол. Я помогу вам взять банду. Одним вам не справиться. Их там два десятка рыл. Петрухин вон не зря очкует.

Он ещё с секунду смотрел на меня, потом хмыкнул.

— Ага, сейчас. Ствол ему. Бегу и дубинку теряю.

И откинулся назад, давая понять, что разговор окончен.

— Павел Алексеевич... а может, он нам правда поможет? — проблеял Петрухин, крепче сжимая автомат.

— Ты лучше заткнись, — отрезал подполковник. — Не факт, что там вообще эти байкеры есть. У него же на роже написано, соврёт и глазом не моргнёт. Может, вообще в засаду приведет.

— В засаду... — испуганно повторил Петрухин, ещё силь-

нее вцепившись в оружие.

Я проговорил, перебивая поток идиотских предположений:

— Машину лучше оставить здесь, на дороге. УАЗ, даже такой как ваш, слышно издалека. Пойдём пешком, чтобы тихо.

— А ты что раскомандовался? — прищурился подполковник. — Свободу почувствовал?

— Павел Алексеевич, не тупи, — сказал я ровно. — Я дело говорю. Мы их так спугнём. А пока они бухают и не завели байки, их можно взять. Они там, — я кивнул. — Вперёд и чуть влево.

УАЗик резко остановился, скрипнув колодками. Я показал направление в лес. Подполковник задумался, пожевал губу, быстро прикинул.

— Так... — начал он. — Вы с нами не пойдёте. Ты, — ткнул в водителя, — остаёшься. Стережёшь этого эксгибициониста и рыжую.

Потом вдруг замялся.

— Хотя... Нет. Если он врёт, мы вдвоём с Петрухиным можем не вытянуть.

Снова замолчал, перебирая варианты.

— Ладно. Пойдём все вместе.

— Я же так и говорил. — кивнул я.

— Говорил он... — фыркнул подполковник. — Гамадрил. Только наручники с тебя я не сниму. Даже не мечтай.

Двери открылись, мы выбрались наружу и сразу направились в лес. Подполковник держал пистолет наготове, водитель тоже вытащил ПМ, Петрухин шёл с автоматом, чуть впереди, но постоянно оглядывался. Искра шла рядом со мной, и под её ногами предательски хрустнула ветка.

— Тише ты, смотри под ноги, — шикнул на неё подпол.

— Я нечаянно, — проговорила она.

— Ага, конечно, специально ломишься, как корова, чтобы своих предупредить? — подполковник остановился на секунду, повернулся ко мне и Искре. — Если хоть кто пикнет или шуманет, пеняйте потом на себя.

— Тихо, — бросил я. — Сам не ори. Уже подходим. Слышишь?

Сквозь листву уже и правда доносилась музыка. Та самая странная колонка. Хотя теперь ясно, почему странная — тут просто всё странное, другое. Только теперь песня, конечно, сменилась. Женский голос, красивый, задорный и с переливами:

— Матушка-земля...

Я невольно прислушался. Песня незнакомая, но цепляла.

— Бухают, гады... — прошептал подполковник.

Мы вышли на поляну почти одновременно — и встали как вкопанные.

— Это что за хренобуда... — выдохнул подполковник, снова фуражку снял и машинально вытер ею лоб.

— Павел Алексеевич... — прошептал Петрухин, в голосе

у него тихая паника. — Они что... мёртвые все?

— Да нет, мать твою... загорают... — огрызнулся тот. — Видишь? Кишки выпущены... головы свернуты... Везде кровища. Загорают! Ага!

— Ой, мамочки! — взвизгнула Искра и прижалась ко мне. — И Круглый, и Чаша лежит... Максим, кто же их всех, а?

Поляна, на которой ещё недавно гоготала во все глотки, пила и слушала музыку горстка байкеров, превратилась в мясорубку. Тела лежали так, будто их не просто убивали, а ломали. Быстро и жестоко, будто огромными, сильными ручищами какого-то взбесившегося орангутана. Кровь, грязь, перекрученные позы.

Я присел, быстро пробежался взглядом по ближайшим телам. Следов клыков или когтей не видно. Как и пулевых пробоин, разрезов и ран от клинков. Людей просто разорвали голыми руками. У одного глаза выдавлены, у другого шея свернута, у третьего грудная клетка будто вмята внутрь.

— Может... они сами себя так... — неуверенно пробормотал Петрухин. — В смысле, промеж собой дубасились?

— Нет, — сказал я. — Видите следы босых ног? Кто-то ходил здесь.

Мы прошли чуть дальше и увидели его. Мужик лежал на боку, весь в грязи, ноги чёрные, будто он прошёл босиком километры. Под ребром торчала ветка, воткнутая в тело. Не просто без обуви, а полностью голый.

— Это что еще за пришелец? — нахмурился я.

— Это не из наших, — сразу сказала Искра. — Не байкер.
— Так это он, что ли, всех... — начал подполковник.
— Он был не один, — заверил я. — Разуй глаза, Алексеич.

Глянь на следы.

Искра вдруг начала считать, глядя по сторонам:

— Раз... два... три... четыре...

— Ты что, тоже сбрендила уже? — раздражённо бросил подпол.

— Не все здесь из наших... — выдохнула она. — Кто-то ушёл...

В голосе мелькнула радость, но тут же угасла, потому что она добавила:

— И Гризли нет...

— Какого ещё Гризли? — буркнул подполковник. — Медведь, что ли?

— Бывший мой.

— Зоопарк, мать вашу... — выругался старший.

Он быстро собрался, переключился на работу.

— Петрухин, давай. Сфоткай этого, — он указал на голого мужика. — По базе пробьём. Скинь морду, пусть проверят.

Тот подошёл ближе, присел, отбросил автомат за спину, и потянулся к телу. И в этот момент мужик резко дернулся, прогнув спину и выятнув пятки.

— Он живой! — заорал Петрухин, отскакивая назад и скидывая автомат.

— Чёрт... — выдохнул подполковник. На секунду завис,

потом рывкнул. — Скорую надо!

Подполковник не стал никого дожидаться, сам выхватил телефон, начал быстро тыкать пальцем в экран.

— Да что за... — выдохнул он. — Связи нет. Уроды, вернись — оператора сменю.

И в этот момент голый начал подниматься. Медленно, рывками, как будто тело не сразу ему подчинялось. Глаза мутные и пустые. Он явно был не в себе.

— Эй, гражданин... — подполковник шагнул вперёд, всё ещё держа наготове пистолет. — Ты как себя чувствуешь? Тебе нельзя вставать. У тебя ветка в животе торчит.

Тот не реагировал. Просто молча шел на него.

— Стоять! — рывкнул подполковник, вскидывая ствол. — Я сказал, стоять!

Выстрел в воздух. Глухой хлопок, от которого в лесу эхом отозвались птицы.

Ноль реакции. Второй выстрел. Пуля вошла в ногу, видно было, как дёрнулась плоть, брызнула кровь, как он качнулся. С такой раной человек должен был рухнуть сразу — просто от боли.

Но голый только привалился на раненую ногу и молча двинулся дальше, хромая, словно это была не пуля, а укол шприцом.

— Петрухин! — рывкнул подполковник, пятясь назад. — Бей прикладом!

Но тот застыл. Просто стоял с автоматом, глядя, как при-

ближается угроза...

И голый вдруг рванул. Молниеносно и молча бросился вперед. Не рычал, не кричал, раззадоривая себя, не издал вообще ни звука. Скорость такая, что даже глаз не успевал за ним. Он тихо и цепко впился пальцами в горло подполковника.

Подполковник пальнул в третий раз, но выстрел ушёл в сторону, пистолет вылетел из руки. Они вместе рухнули на землю.

— Петрухин, мать твою! — захрипел подполковник, пытаясь оторвать голого от себя.

Искра визжала где-то рядом. Петрухин всё так же стоял на месте. Я рванул вперёд — пусть у меня руки в наручниках, но ноги свободны. Подскочил и ударил тяжёлым ботинком, с наскока, в висок нападавшему.

Удар получился смачный.

Его голова дернулась, по телу будто бы пошла волна, наконец, хватка ослабла, и он отлетел в сторону. Подполковник вырвался, схватил пистолет. Бах! Бах! Бах!

Пули легли в цель: одна в грудь, вторая — в горло, третья — в лоб. Тело дёрнулось и рухнуло, обмякнув.

— Это что за тварь... — выдохнул подполковник, тяжело дыша. Он резко повернулся к Петрухину. — А ты что стоял? Долбоящер!

— П-простите... — пробормотал тот, бледный как мел. — Я...

— Дай сюда автомат, — рявкнул подполковник, забрал у него оружие, проверил, передёрнул затвор.

Я сделал шаг ближе.

— Алексеич, ты сам видел. Сними с меня наручники.

— Ага. Сейчас, — он даже не посмотрел в мою сторону.

— Это не люди уже. Тут...

— Все в машину, — перебил он. — Уходим.

И только он сказал это, как кусты впереди зашевелились. Среди веток мелькнули тела. Голые, грязные,двигающиеся рывками, как будто их тянули за невидимые нитки.

— Они идут! — завизжала Искра. — На нас! А-а-а!

— Кто же это, сука? — выдохнул подполковник испуганно.

— Байкеры говорили, местные мухоморов объедаются...

— предположил я, хотя понимал, что это тоже вряд ли. — Быстро, сними с меня наручники!

Он на секунду замешкался, потом резко дёрнул ключом, замок щёлкнул. Браслеты упали в траву. Искру освободили тоже.

— Бежи-им! — крикнула девушка и первая рванула к дороге.

Мы сорвались за ней, но не успели. С другой стороны леса вывалились ещё точно такие же существа, называть их людьми у меня бы язык не повернулся. Голые, грязные, с мутными глазами.

Они окружали нас, сжимая в кольцо. Стая. По-другому не

назвать. И в следующую секунду пошли в атаку, не произнося ни звука. Просто рванули вперёд.

— Тра-та-та-та! — захлестал автомат.

Павел Алексеевич бил короткими очередями, отступая. Пули рвали тела, пробивали грудь, живот, плечи.

— В голову бей! — заорал я. — По башке! Их иначе не взять!

Он не слышал. Или не хотел слышать.

Один упал, изрешечённый пулями, но не умер. Рухнул, потому что ноги перебиты напрочь, кости не держат — и не остановился, тут же пополз. Руки впивались в мох, пальцы вгрызались в землю, он тянул и тянул себя вперёд.

Я шагнул навстречу.

Первому ударил в челюсть. Голова дернулась, тело откинуло. Второму — ногой в грудь. Он отлетел, сбил третьего, будто кеглю. Четвертого я перехватил и бросил через бедро. Обычный человек после такого уже лежал бы. Эти вставали и лезли дальше.

Мои удары для них были как щелбаны.

— А-а-а! — это заорал Петрухин.

Я обернулся. Его уже повалили. Несколько тел залезли сверху, рвали, вцеплялись руками. Среди них были и женщины. Лица пустые, а движения такие, будто их за верёвочки дергают.

— Бегите! — орал подполковник. — Сообщите... в дежурку... — Беркутов! Сообщи! Прошу!

Он стрелял и стрелял, пока его рвали руками.

— Тух-тух-тух!

Но магазин опустел. Я пытался ему помочь, но на подполковника навалились еще трое. Он даже не успел толком отмахнуться, только дёрнулся, и его смяли, утанули вниз, в эту копошащуюся массу.

— О боже... — закричала Искра.

— Уходим! — я дернул ее за руку.

Мы не заметили, когда слинял водитель. Только что был рядом — и нет его. Мы рванули к дороге, выскочили к уазик. Я дернул дверь. В замке зажигания пусто. Ключей нет, водителя тоже.

— Сука... — выдохнул я.

— Где водила? — проскулила Искра. — Он выжил? А чего он тогда не уехал?..

— Хрен его знает...

И только сказал это, как за машиной мелькнула тень.

— Осторожно! — выкрикнула Искра.

Я развернулся, уже готовясь бить. Но из-за кузова выскочил водитель. Бледный, трясущийся сержант.

— У меня ключ... — выдохнул он. — Садитесь... уходим...

— А ты что, падла, не стрелял? — резко спросил я. — Ни одного выстрела.

Он сглотнул.

— Я... я по людям не стрелял никогда...

— Это не люди, — отрезал я. — Ты видел, что с твоим начальником сделали? А с Петрухиным?

Он молчал.

— Дай сюда пистолет, малахольный, — я забрал у него ПМ.

Щёлк, щёлк. Проверил: два магазина по восемь. Стандартно шестнадцать патронов. Очень неплохо. Хороший аргумент для таких тварей. Да, это уже не люди, а твари. Что-то их изменило, переломало изнутри. Болезнь, заражение, чёрт знает что. Кажется, этого никто не знал, ведь подпол сказал — сказки, и вызову общему не поверил. Но разбираться сейчас не было времени. Если это распространяется — надо валить в город, поднимать всех, кто способен держать оружие, перекрывать районы, эвакуировать людей.

Делать то, чему меня учили.

Только вот я здесь никто. Ни удостоверения, ни положения. Для них я подозреваемый с трассы, опасный неизвестный, как сказал этот Павел Алексеевич — эрзац. Ладно. Доедем — разберёмся.

— Заводи, — бросил я сержанту. — Чего встал?

— Да-да...

Водила метнулся за руль. Я сел на переднее сиденье рядом с ним, Искра забралась назад, в кабину. Дверь хлопнула, мотор заревел, и уазик рванул с места, трясаясь на кочках.

И тут сзади раздался другой звук. Глухой рёв двигателей. Я обернулся. Из леса вылетели мотоциклы. Несколько сразу.

— Это Гризли... — выдохнула Искра. — Он жив...

Сердце мне неприятно кольнуло.

— И с ним Дубина... и Ржавый... — добавила она. — И ещё трое...

Они не поехали за нами. Ушли в другую сторону, прочь от дороги, прочь от города.

— К ним хочешь? — хмыкнул я, не отрывая взгляда.

— Нет... нет, — быстро ответила она. — Беркут, прости, я... Спасибо тебе.

Я повернулся к ней.

— Почему ты назвала меня Беркутом? Откуда знаешь мой позывной?

Она замерла на секунду.

— А я и не знаю. Просто у нас так принято... — отвела взгляд. — В мото-сообществе. Прозвища даём...

Уазик разогнался, кабину трясло, он шел во всю свою мощь. На шоссе был виден знак, синяя табличка, на которую, сложив крылья, приземлился старый стервятник.

На знаке надпись: “Черноречье 15 км”.

— Свяжись с дежурной частью, — сказал я водителю. — Сообщи, что произошло.

— Да... да...

Он схватил гарнитуру радиации с витым проводом, поднёс к губам, нажал кнопку передачи.

— «Сабинка», пятнадцатому, приём... «Сабинка», пятнадцатому, ответьте...

Рация зашипела, заскрипела помехами.

— Молчат... — нервно пробормотал он. — Или помехи...

— Вызывай дальше, — сказал я.

Он снова нажал тангенту.

— «Сабинка», пятнадцатому, приём!

Щелчок, шипение.

— «Сабинка»... на связи...

Голос в динамике был рваный и срывался.

— Возвращаемся в город... Подполковник Илюхин погиб... младший сержант Петрухин погиб... Как поняли? Приём...

По радиии послышался раздражённый голос:

— Слушай, пятнадцатый, не до тебя сейчас...

Связь оборвалась.

Водитель посмотрел на меня растеряннo.

— Они что... совсем там... Или про потери не расслышали?

— Всё они слышали, — сказал я тихо. — Просто у них сейчас, видно, не лучше.

Искра подавалась вперёд, коснулась моего плеча.

— А ты точно не из этих?

— Из каких?

— Ну... этих... — она замялась. — Ну... таких... Ты ведь тоже голый был.

— Ну, ты же видишь, я не нападаю. Видишь же? — я по-

смотрел на нее, и Искра судорожно кивнула. — А кто они?

— Да откуда я знаю... — прошептала она. — Первый раз такое вижу...

Впереди, сквозь лёгкую дымку, начали проступать очертания города.

— Странно... — пробормотал водитель. — Машин почти нет...

Искра вытянула руку вперёд.

— Это что... пожар?

Глава 3

Мы подъезжали к городу, и чем ближе были к его окраинам, тем яснее становилось — эта дрянь, эпидемия или что это там, уже добралась и сюда. Дым впереди тянулся неровными полосами, воздух наполнился запахом паленой шерсти, а на душе поселилось мерзкое ощущение, что майора Беркутова снова будто само время несет в самый центр заварухи.

Пусть даже это время — совсем другое.

— Макс! А может, ну его в баню? — вдруг воскликнула Искра. — Давайте развернёмся, пока не поздно. Эй ты! Ментяра! Разворачивай свою шушлайку! Мы не поедem в город.

Повернуть? Мысль, конечно, здравая. Не успел я, как говорится, с корабля на бал попасть, а уже влез в такое, что и в кошмарах не снилось. Но ведь мне всё равно нужно выйти на связь с руководством. Или с теми, кто теперь вместо него. Хотя если тут пошла такая мясорубка... возможно, уже и связываться не с кем.

Но варианты тут никакие не принимаются, по инструкции проверить я обязан. И еще нужно попытаться выйти на свою группу, на своих ребят. Даже если для этого надо прорваться через...

Додумать не успел.

Водитель, услышав призыв Искры, вдруг вцепился в ба-

ранку и заканючил:

— Нет, нет, мне надо в город. У меня там жена, двое детей. Мне нужно к ним. Пожалуйста, не забирайте у меня машину.

Будто боялся, что мы выбросим его прямо на дорогу и сами рванём поглубже в лес.

— Что ты ноешь? — презрительно прошипела Искра. — Трусло. Бросил своих! Даже ни одного выстрела не сделал. Мужик, называется. Тьфу!

— Да я же говорю, у меня жена, двое детей — вот, если я сгину, кто о них позаботится?

— Да какой из тебя защитник? — фыркнула она. — Так... киселя кусок.

— Всё, прекратили, — оборвал я их. — Едем в город. Решено.

— Ну Макс... — протянула девушка.

— Не максай, — хмыкнул я.

Мы подъехали ближе. Въезд перекрывал кордон из вооруженных правоохранителей. Патрульные машины с мигалками, автоматчики, и несколько уазов перегораживали путь любому. Еще были машины с проблесковыми маяками, но без раскраски, и гаишные экипажи. А чуть в стороне грозно стоял тяжёлый броневик с незнакомой надписью на борту: «Росгвардия». Возле него толпились бойцы в тактическом камуфляже, бронжилетах, касках и с автоматами наперевес. С виду, вроде, военные, только форма другая, и экипировка совсем не та, к которой я привык. Хотя в этом времени, по-

хоже, всё уже успело стать другим.

— Вон, чертовщина творится, — нервно сказал водитель.
— Броневи́к росгвардейцев стоит. И бойцы их, спецназ подтянули.

Я ещё раз окинул взглядом вооружённых людей у черного «Тигра» и спросил:

— Что такое «Росгвардия»?

Тот даже обернулся на секунду, глядя удивлённо.

— Как что? Служба такая. Раньше в состав МВД входили... вневедомственная охрана бывшая, внутренние войска, всё это потом отдельно стало.

А, вон оно что. ОВОшники, получается, реорганизовались. Неплохо их, значит, перелицевали, не узнать совсем.

— Так, слушай сюда, отец детей, — инструктировал я водителя, легонько ткнув его для острастки стволом под ребро.
— Не останавливаешься, едешь - морда тупкой. Дёрнешься — стреляю. Мне терять нечего.

— Но с чего? Это же свои... — голос у него дрогнул, он вцепился в руль так, что пальцы побелели.

— Это тебе свои, — отрезал я. — А твой начальник только что хотел упечь меня за решётку. Мне в каталажку сейчас никак нельзя. Сам понимаешь, да? Так что давай, сержант. Как зовут?

— Вова...

— Ну вот и давай, Вовчик, сделай красиво. Сделай так, чтобы жена твоя и детишки папу ещё увидели. Я только за,

обеими руками. Веришь?

Он нервно сглотнул.

— А если нас остановят?

Он сейчас боялся всех — и меня, и коллег, и того, что увидит или не увидит в городе.

— Врубай мигалки, — посоветовал я, видя, что свои мозги он напрячь уже не может. — Скажешь, что у тебя срочное задание. Или особый груз.

— Так вон, всё ж перекрыто...

— Врубай, — прохрипел я уже жёстче.

— Блин, Беркут... — сдавленно пробормотала сзади Искра. — Может, всё-таки развернёмся? А?

— Поздно, — бросил я, даже не глядя на неё. — Мы уже в поле видимости. Видишь, все зашевелились. Развернёмся — сразу поймут, что дело нечисто. Догонят. Ну или пуля догонит. А буханка — это тебе не гоночная машина.

Я прекрасно знал, на что способна эта модель «УАЗа», тут сам факт, что она дожила до такого времени, уже внушал уважение. Машина, кстати, выглядела не убитой, а вполне бодрой. Даже наоборот, сиденья ещё поскрипывали молодым дерматином, словно её не так давно выпустили с завода. Скорей всего, так оно и было. Значит, техника эта у них всё ещё в ходу и с производства не снята. Ничего себе, живучая.

Мы подошли ближе к кордону, и тут пришлось сбавить ход. Впереди, поперёк дороги, был растянут ёж — тяжёлая лента с огромными зубьями, чтобы никто и не думал проры-

ваться.

— Тормозни. А теперь сигнал, — выдавал я инструкции так, что невозможно было бы ошибиться.

Водитель надавил на клаксон.

Дышал он через раз от страха. Его можно было понять. С одной стороны — свои, которые в такой обстановке легко могут полоснуть очередью по машине, не разбираясь. С другой — я, подбадривающий его тычками его же собственного макарова.

На той стороне двое вооружённых подошли к ежу, начали его сворачивать, собираясь пропустить нас. С виду ничего подозрительного, обычная машина следственно-оперативной группы, мигалки, у водилы форма. И именно в этот момент я заметил, что за заслоном, там, где скопился затор из гражданских машин, начинается непонятный движ. Люди возмущались, махали руками, что-то выкрикивали.

Но как бы те ни шумели, никого из города не выпускали. И те машины, что пытались прорваться наружу, тормозили, заворачивали обратно. Тут же появились такие, кто не хотел разворачиваться — они объявили стоячую забастовку. Застопорили свои тачки так, что перегородили дорогу. В общем, затор только разрастался.

И тут одна малолитражка, юркая, как мышь, вдруг протиснулась вперед. Резко рванула, выскочила из потока. Гаишник бросился было поперек дороги, замахал полосатой палкой, заорал что-то, но водитель только вжал педаль. Ма-

шинка юркнула в узкий промежуток между ежом и обочиной, откуда бойцы уже успели чуть скрутить колючую ленту, пролезла почти впритирку и ломанулась дальше.

— Остановить! — ударил зычный голос из громкоговорятеля.

И сразу же захлестали очереди.

Тра-та-та!

Автоматы полоснули по машине. Заднее стекло разлетелось, будто его выбили кувалдой, пули перечеркнули крышку багажника, фонари на поджатой и будто укороченной заднице брызнули осколками и посыпались на асфальт красной крошкой. Не знаю, попало ли по водителю, только малолитражку сразу повело, она вильнула, крутанулась и со всего маху врезалась в бетонный столб.

Бух!

Столб качнулся, но выдержал.

К машине тут же подскочили несколько бойцов, распахнули дверь, выдернули наружу какого-то мужика. Тело обмякшее, голова мотается.

— Жив?

— Да, вроде, живой.

— Идиот. Тащите назад. В больничку его надо.

Они уволокли пострадавшего, а я смотрел на это всё и понимал, что стадия уже называется – полные кранты.

— Жопа! Что тут вообще творится? — испуганно пробормотала сзади Искра.

— Похоже, в городе объявлен карантин, — сказал я. — Никого не выпускают.

— А я говорила, надо было назад повернуть.

— Поздно уже, — ответил я и ткнул в водителя пистолетом. — А ты что встал? Давай, Вовчик, жми на педальку. Ежа ведь для нас убрали.

— Ага... — выдохнул он, судорожно переключая передачу.

Машина дернулась, потому что сцепление он бросил слишком резко, но выровнялась, и уазик, взревев мотором, покотил прямо через заслон.

— Ровнее держи, не ссы! — подбадривал я сержанта.

Пока мы миновали несколько полицейских машин, у меня каждый раз резало глаз это слово на бортах. Полиция. Как так вообще могло случиться, кто додумался милицию переименовать, что за умник? Даже смешно, как мозг резво отвлекался на это, словно иголкой кололи. Хотя на фоне того, что я уже увидел в лесу и на кордоне, это было самой мелкой из проблем. Не до названий сейчас.

Нас даже не думали останавливать и проверять. Мы с Искрой просто пригнулись, и машина спокойно прошла мимо заслона. Когда въехали в город, я сначала просто смотрел по сторонам, а потом вдруг начал узнавать очертания. Да, это был мой город, родной, только изменившийся так, что от прежнего в нем остался один костяк.

Там, где раньше тянулись пустыри и торчали заброшен-

ные стройки, шатались бомжи и завывали бродячие собаки, теперь поднимались в небо громады, сверкающие стеклом и металлом. Такие дома я раньше видел только в американских фильмах, и от этой мысли стало как-то не по себе. Россия-матушка, конечно, шагнула вперед, только все это выглядело каким-то неродным, будто слезанным с чужой картинки. Или просто я выпал из времени и не понимал, как теперь должно быть.

Куда сильнее меня зацепило другое. Город был пуст. На улицах не просто малоллюдно, здесь совсем пусто, как в киношной декорации после команды «стоп». Местами стояли машины, где-то ровно припаркованные, а где-то и брошенные как попало, на дороге, на обочине или прямо на бордюрах. И всё — ни в них, ни вокруг никого не видно. И от этого стеклянные дома, широкие улицы, светофоры, вывески, все это богатство и новизна выглядели мертво.

Мимо нас промчалась патрульная машина с мигалкой, из громкоговорителя неся сухой, выхолощенный голос:

— Внимание, граждане! В целях безопасности и в соответствии с распоряжением мэра запрещается выходить из дома. Соблюдайте порядок. В городе объявлен режим чрезвычайной ситуации. В связи с участвовавшими массовыми беспорядками граждане, появившиеся на улице, будут считаться нарушителями. К ним будут приняты меры принудительного характера. Внимание! Оставайтесь дома и не выходите на улицы. Ради вашей безопасности не покидайте свои

жилища!

Черт! Это уже был не просто карантин. Город будто затаился, забился в щели, как перед артобстрелом, только врага пока никто не видел... и не хотел называть вслух.

Тем временем патрулька скрылась за поворотом, и хотя голос из громкоговорителя еще какое-то время тянулся следом, повторяясь, как заезженная пластинка, настала странная тишина — и от этого мне и моим спутникам становилось только гаже. Я посмотрел на Искру, потом перевел взгляд к водителю. Девчонка держалась лучше сержантика.

— И давно это у вас случилось? — спросил я.

— У кого это — у вас? — буркнул Вова, выкручивая баранку.

— Да вообще. У нас, у вас, в городе.

Он шумно сглотнул, не отрывая глаз от дороги.

— Да я сам охренел, — пробормотал он. — Утром только выехал за город на происшествие. Тогда речь шла о единичных случаях нападения. Ну, подрались где-то, кто-то на кого-то кинулся. Это и так бывает, я не думал... А тут вон что, будто весь город с катушек слетел. И тишина, блин... Откуда такая тишина? Скажи Беркутов?

— Чудно все это, — я зажевал губу. — Что за зараза такая. Они же очень странно себя ведут. Ну... эти.. голые.

— Слушайте, — вдруг встряла Искра, подавшись вперед, — а может, это всё вирус какой-нибудь? Ну, как в фильмах. Покусили человека, а он потом сам других жрать начинает.

Типа, как зомби.

Сказала и сама вздрогнула.

— Что ты несешь? — фыркнул сержант. — Ты же видела, что это не нежить какая-то. Они живые. На ощупь теплые. Только молчат.

— Ха! Теплые мать твою! А ты щупал, что ли? — тут же огрызнулась девчонка, будто забыв, как только что одно слово вернуло её в пережитый ужас. — Видел ты их, как же. Летел прочь быстрее поноса.

— Ну видел же! Не жрут они. Просто... заживо ломают и убивают. Живые это люди, вот только... поехавшие, что ли...

— Да? А ты глаза их видел, Вовчик? Или ты, когда штаны обгадил и дернул из леса, уже вообще больше ничего не видел? А я там была. И если бы не Максим...

Она осеклась, передернула плечами и замолчала.

— Уф-ф... даже думать не хочу, — тихо добавила она.

— Так куда ты нас везешь, Вова? — спросил я, выглядывая в окно.

Он даже удивился такому вопросу.

— А куда еще? В отдел, ясное дело.

В отделе меня, скорее всего, снова попытаются пришить к этим байкерам, а Искра и вовсе для них — готовый пакет с доказательствами. Сейчас мне туда нельзя.

— Тормози здесь, — сказал я. — Мы выходим.

— Поддерживаю, — тут же сказала Искра. — Нам менты

не кенты! Тормози, я сказала!

Водитель резко ударил по педали, взвизгнули шины, закрипели колодки, и узик дернулся носом вниз. Только остановился он вовсе не потому, что мы приказали. И хорошо ещё, что секунду назад послушался нас и начал притормаживать, метя к обочине, потому что вот сейчас сработал резко, с перепугу.

Потому что прямо под колеса бросилась какая-то пожилая женщина. И если бы мы шли на полной скорости, нас бы занесло, примерно как ту малолитражку.

— Ты что, дура? — высунулся в окно побледневший Вова.
— Тебе жить, блин, надоело? Сказали же — дома...

— Паренёк, помоги, прошу, — запричитала она, вцепившись в дверь. — Мужу плохо. До больницы нас довези. Скорая не отвечает, людей нет, машин нет. Прощу.

— Твою мать, я ж тебя чуть не переехал...

— Не бросай, помоги, довези до больницы. Он сердечник, ему плохо. Ему помощь нужна. Ну куда нам обратиться, скажи?

В голосе её звенели слёзы, женщина была на самой грани горького отчаяния.

— Некогда нам, — забормотал сержант, пытаясь отцепить ее пальцы от дверного проема. — Давай, это, домой...

— А ну отставить, — рявкнул я на него и вышел из машины. — Что случилось?

Женщина увидела на мне байкерский прикид, опешила,

раскрыла рот и на секунду зависла, явно не понимая, кто я вообще такой.

— Спокойно, гражданочка, я тоже из милиции, — сказал я и тут же сам себя поправил: — В смысле, из полиции.

— А! Так вон... — она махнула рукой на лавку у обочины. — Там...

На скамейке и вправду лежал старик, который по возрасту вполне мог быть супругом этой женщины. Я подошел, наклонился, посмотрел на него. Человек этот ещё дышал, но лицо побагровело, губы синие, грудь ходила вверх-вниз тяжело. Живой, только видно сразу — еще немного, и ноги протянет.

Вообще-то, конечно, Вова был прав. Очень некстати мне сейчас было с ними возиться. У меня своих дел выше крыши: город на ушах, вокруг черт знает что творится, а я сам в положении хуже некуда. Только мимо такого не пройдешь. Иначе зачем всё?

— Пятьдесят лет вместе, — плакала женщина. — Пятьдесят один через месяц было бы.

Это «было бы» резануло мне по сердцу.

— Сплюнь, мать, будет, а не «было бы», — я повернулся к узику и крикнул водиле: — Ну что сидишь, принц аглицкий, помогай!

Тот выбрался наружу, но всё мялся, будто надеялся, что я передумаю.

— Смелее, Владимир... У тебя не Ильич часом отчество?

— Ильич.

— О как... Ну давай, Владимир Ильич, за руки, за ноги, понесли бревно, — скомандовал я.

Мы подняли старика и потащили к уазу. Обмякший, он казался непомерно тяжелым. Дышит сипло, голова болтается, будто оторвется сейчас. Мы занесли его в «таблетку» и аккуратно уложили на пол.

— А на нем нет укусов?.. — испуганно проговорила Искра.

— Да какие укусы, дочка? — вскинулась женщина. — Что ты наговариваешь? Сердце у него. Я ж говорю. Хроническая недостаточность. Он и лекарства пьет, но сейчас...

— Гони, — бросил я водителю, захлопывая дверь.

Уазик качнулся и пошел вперед.

— Где тут у вас больничка?

— Может, сначала в отдел? — вновь заканючил сержант.

— Мне же отметиться надо...

— Я сказал, в больничку давай.

Я и сам примерно помнил, где в городе должна быть больница, хотя улицы изменились до неузнаваемости, но всё-таки надеялся, что даже в таком стрессе он ориентируется лучше меня. Мне же, как ни крути, нужно было внимательно следить за дорогой и за поворотами, а главное — за самим Вовой. Чтобы не вздумал юлить и свернуть не туда.

И только сейчас до меня по-настоящему начало доходить, что я здесь оказался не случайно. После того как сработал

«Рубеж», меня закинуло сюда, к себе, на родину. В мой родной город, а не в Москву или в Сибирь. А если так, то и моих пацанов из группы сопровождения могло раскидать как раз так же, по своим местам. Мы ведь все были из разных городов. Кто-то из Ростова-на-Дону, кто-то из Гомеля, а я вот тутошний.

— Ой, не гони, милоч, — стонала женщина, обращаясь к водителю. — Трясет моего Гришеньку, утрясет его...

— Что там? — спросил я, обернувшись.

— Стонет Гришенька.

Я посмотрел на старика. Он вдруг зашевелился. Сначала едва заметно, потом сильнее. Шея у него дернулась вбок, потом еще, будто ее кто-то невидимый начал медленно выкручивать. Он открыл глаза, и у меня внутри сразу похолодело. Никакого человеческого взгляда там уже не было. Одни белки. Глазные яблоки закатились так, что лицо вмиг стало нечеловеческим.

— Ай, мамочки! — вскрикнула Искра, прижавшись ко мне. — Что с ним?

— Похоже на эпилептический припадок, — сказал я, хотя сам уже все понял.

Это был не припадок. Это была та самая хрень... он теперь был как те, в лесу. Зараженные? Или как их теперь называть, черт бы их побрал.

Я достал пистолет и взял старика на мушку.

— Извини, мать, — сказал я тихо. — Его придется... —

язык не повернулся договорить про «пристрелить», поэтому сказал мягче: — Высадить придется твоего Григория.

— Как это – высадить? — женщина резко вскинулась и увидела у меня в руке оружие. — Ты что, сынок? Ему же плохо. У него сердце. Он мухи в жизни не обидел. Не трожь его, прошу тебя. Не трожь, христом богом заклинаю!

Она тут же заслонила собой мужа, встала между ним и мной, растрепанная, заплаканная, с таким отчаянием в глазах, что на секунду рука дрогнула. Только старик уже был не Гришей – и даже не стариком.

Он поднялся тихо, совсем тихо, без стопа, без хрипа и без всякого звука. Ноги вывернул как-то нелепо, кузнечиком, ломано, будто суставы у него перестали работать по-человечески. Руки вытянул вперед, скрюченные, они стали вдруг похожи на клешни, и двинулся, пополз к нам, извиваясь всем телом так, что смотреть мерзко.

— А-а-а! Берегись! Максим, стреляй! — завизжала Искра.

— А-а! — заорал водитель, подаваясь вперед.

Я только начал поднимать ствол выше, выбирая момент, когда можно будет выстрелить и не задеть женщину, а старик уже рванулся. Но не ко мне, а к ней. В следующую секунду его пальцы сцепились у нее на шее. Сдавили так, что у бабули сразу полезли из орбит глаза, рот открылся в немом крике, а лицо пошло пятнами.

— За что?.. — захрипела она, еще не понимая, что про-

исходит.

Я выстрелил. Старичка дернуло, и он отшвырнул супругу так, будто она ничего не весила. Та ударилась головой о железную раму сиденья и сразу затихла. А он уже бросился на меня. Я вскинул пистолет и, почти не целясь, выстрелил в голову. Салон обрызгало кровью и мозгами, старик рухнул мне под ноги, заливая пол горячей липкой жижей.

— О господи, о господи... Макс, ты видел? А-а-а!.. — закричала Искра.

Уазик вильнул, резко дернулся в сторону, потом тормознул так, что нас ударило о спинки сидений. Машина встала. Водитель, белый как мел, распахнул дверь и уже хотел сигануть наружу.

— Стоять, сержант! — рявкнул я. — За руль. Назад. Или стреляю!

— Я не хочу умирать... — забормотал он, трясаясь всем телом.

— Не дрейфь... Все кончено, я его убил. Вот, смотри.

Он заглянул в салон, увидел кровь, ошметки, тело, и его тут же вывернуло. Все, что он съел с утра, оказалось на обочине.

Какой малахольный. Это что, в полицию теперь по объявлению, что ли, набирают? Я поднял голову и вдруг, словно ответ на свой вопрос, увидел прямо посреди площади огромный баннер: «Приглашаем на работу в органы внутренних дел». Ниже подпись: отдел кадров ГУВД и телефон.

М-да-а, гнутая ж ты гильза! Шутка оказалась пророческой.

— М-м-м... — донесся стон.

— Она живая, — вскрикнула Искра, тыча пальцем в женщину. — Макс, добей ее.

— Ты что, с ума сошла? Она не из этих. Она нормальная.

— Откуда ты знаешь? Видишь, шевелится.

Я наклонился к женщине, осторожно открыл ей глаз, оценил зрачок.

— Эй, мать, ты меня слышишь?

— Прости, сынок... — еле выговорила она. — Я тебе не поверила. С ума Гришка сошел... как и эти все... Прости... Голова... голова болит...

Она с трудом облизнула губы и прошептала:

— Выложите меня где-нибудь на обочинке. Дайте помереть спокойно.

Я потрогал ее голову. На виске уже наливалась здоровенная гематома, кожа лопнула, кровь сочилась по волосам.

— Нет, тебя в больничку надо. Теперь все равно придется в больницу ехать. Тебя везти.

— Макс, — пробормотала Искра, — ты слишком добрый. Давай ее на фиг из машины. А вдруг она тоже встанет — и?..

— Не встанет. У нее другая картина, другие симптомы.

— Откуда ты знаешь? Ты что, доктор, мать твою?

— Я... мент. Это почти одно и то же, — отрезал я.

Искра помотала головой, но дальше спорить не стала. Она

не была жестокой, за неё сейчас говорил только страх. Я подытожил:

— Все, едем в больничку. А ты, — ткнул я в сержанта стволом. — Быром за руль и крути баранку.

Я вытолкнул труп старика на обочину, захлопнул дверь, и уазик снова тронулся, покотив дальше по пустому городу. Машина шла неровно, водитель до сих пор был на ватных ногах, а я сидел рядом и смотрел по сторонам, стараясь предугадать, где нас может поджидать очередная дрянь.

Вот и больничка. Снаружи пусто. Большая парковка, внутренний двор, беседки, клумбы, подъезд для скорых — и нигде ни одной живой души. Картина такая, будто всех смыло разом.

Но стоило нам зайти внутрь, как иллюзия пустоты рассыпалась. В холле и коридорах носился медперсонал, кто-то бежал с каталкой, кто-то орал кому-то через весь этаж, кто-то тащил коробки, а несколько пациентов в пижамах пытались прорваться к выходу через седого охранника.

— Да пойми ты, домой мне надо, — доказывал один, с перебинтованной головой, уже срываясь на визг.

— Назад, — сипел сморщенный охранник, выставив вперед уже дрябнувшие, но сейчас неожиданно сильные руки. — Никого не велено пущать. Не можно на улицу! Карантин в городе. Меня потом уволят.

— Слышь, старый, уволят его. Ха! — вмешался какой-то молодой парень на костылях, злой, как оса. — Это сейчас

проблема, что ли, тебе? Когда все к чертям летит? Или ты ни фи́га не видишь?

Он ткнул охранника костылем под ребра, тот согнулся, выругался и в ответ брызнул ему в лицо из перцового баллончика. Струя зацепила сразу нескольких, люди закашлялись, шарахнулись по стенам, кто-то вскинул руки к глазам, кто-то схватился за стул, с матами заноса его над головой для удара.

— Ах ты, сука! — рывкнул один с перебинтованной рукой и головой, выхватил у молодого костыль и замахнулся на охранника.

Еще секунда, и приложил бы старика по хребту, но я успел перехватить костыль на взмахе.

— Стоять! — рывкнул я. — А ну, быстро по палатам! Чапаевцы-на!

Забинтованный замер и сразу как-то сник, будто сдулся.

— Командир, отпусти, прошу, — забормотал он уже покорно.

— Там небезопасно, — мотнул я головой в сторону улицы. Или вы ни фи́га не видите?

— Нам надо... Ну...

— Что вам туда приспичило?

— Мать у меня одна, — выдохнул он.

Я посмотрел на них, на эти злые и одновременно испуганные рожи, на костыли, бинты, пижамы, на этот дурдом, и махнул рукой.

— Ладно. Валите к черту. На свой страх и риск. Только я вас предупреждал.

Я отошел в сторону, и несколько пациентов тут же высыпали наружу, как вода из пробитого ведра. Пусть как хотят, решил я. Дальше уже их судьба. Не могу я за всех отвечать.

Мне надо было спешить, и я бодро прошел по коридору. Седой охранник теперь стоял у раковины, красные глаза слезились, он совал лицо под струю воды, но только хуже себе делал.

— Водой не надо, — сказал я. — Убери. Проморгайся.

Но он меня даже не услышал. Может, и услышал, но в таком состоянии человеку уже не до чужих советов. Работают только инстинкты, но не всегда они могут помочь. Иногда надо не гасить огонь, а прихлопнуть, но инстинкт велит притащить воды. Так и тут.

Я оставил его и пошёл дальше. Наткнулся на врача. Тот летел куда-то с папками, белый халат развевался, как будто силясь поспеть за ним.

— Эй, док, можно вас?

Он даже не остановился, только махнул рукой, мол, отвалите, и умчался дальше.

— Да чтоб тебя... — пробормотал я.

Медсестры тоже поблизости не видно было. А ведь бабка от такого шока, едва не погибнув от рук любимого Гришеньки, может и на тот свет усвистать, пока я тут кого-то ищу.

Мимо пронесся еще один доктор, и в этот раз я церемо-

ниться уже не стал. Схватил его за шкуру, притянул к себе, давая понять, что разговор у нас все-таки состоится.

— Товарищ врач, у нас там больная.

— Да? Ну и что? — замахал он руками, пытаясь вырваться. — Отпустите. У нас тут много больных.

— Так ей экстренная помощь нужна. Головой ударилась, гематома с кулак. Вот-вот Богу душу отдаст.

Он дернулся, хмуро глянул на меня и быстро спросил:

— Сколько лет пациентке?

— Не спрашивал. Ну, примерно... лет семьдесят где-то. Может, восемьдесят.

— Мужчина, вы в своем уме? — он аж вытаращился. — У нас тут... А вы! Вы домой ее везите, пусть там лежит.

— Так она же умрет.

— Ай... — доктор на это махнул рукой, все-таки вырвался и побежал дальше.

Я проводил его взглядом и только зубами скрипнул. Что за бардак тут творится? Больница, называется.

И тут я заметил, что у двери одной из палат дежурят двое в форме полиции. На поясе пистолеты, дубинки, наручники в кобурах, берцы зашнурованы до самого верха, кепи нового образца. Когда один из них повернулся спиной, я увидел надпись: «Патрульно-постовая служба». Значит, кого-то охраняют в палате. Или это они просто за порядком следят?

Я не успел толком понять, потому что в следующую секунду всё опять переменялось. Из палат вдруг повалили паци-

енты. Уже стемнело, и в больничке, по-хорошему, давно должен был быть отбой и сопление в подушки. А тут они полезли все разом, как по команде. И это были уже не те нервные пациенты, что хотели удрать домой. Эти шли совсем иначе.

Молча.

А ещё они прямо в коридоре начали срывать с себя одежду, будто им стало вдруг нестерпимо жарко. Пижамы, халаты, рубахи – все летело на пол, а сами они двигались вперед одной плотной, бесшумной массой. Как стая.

— А ну отошли. А ну по палатам! — крикнули парни в форме почти одновременно.

Только теперь я удостоверился, что они охраняли палату. Обычное дело, когда в больницу привозят раненого преступника или кого-то важного под конвоем. Пока врачи его латают, возле двери ставят двоих из наружных служб, чтобы пациент не сбежал, либо же наоборот – чтобы никто к нему лишний раз не сунулся.

Оба полицейских уже вытащили пистолеты, но я уже понял, что сейчас им хана.

— Уходите, парни! — крикнул я. — Быстро! Ну!

Они обернулись. Один, с угловатыми скулами и подозрительным взглядом, глянул на меня так, будто я был очередным психом из этого общего дурдома.

— А ты кто такой? Документики!

— Какие, к черту, документики! — рявкнул я. — Сержант, уноси ноги, твою мать! Тебя и твоего напарника сей-

час на куски рвать будут.

Я уже видел, как двигались эти пациенты. Точно так же, как на поляне. Ломано, рывками, будто кто-то дергал их за невидимые нитки. Но договорить и тем более убедить наряд я не успел.

— А-а! — заорал один из полицейских.

В него вцепились сразу двое. Один полез пальцами в лицо, второй навалился сбоку, пытаясь вывернуть руку. Они рвали, ломали, тянули, и все это делали молча, без криков от чего становилось только страшнее. Так, наверное, нападали бы взбесившиеся звери, если бы вдруг научились действовать осознанно, да к тому же потеряли голос и разучились даже рычать.

Бах! Бах!

Выстрелы гремели с двух стволов, только толку с них было мало.

— Мужики! В голову стреляйте! — крикнул я, пятясь назад.

Лезть в самую гущу не стал. Уже понимал, что это бесполезно. Или ты их валишь сразу, или они наваливаются кучей — и ломают тебя в секунду.

— Сука! В голову, я сказал!

Но меня опять никто не слушал. Патрульных сковал страх, а страх редко дружит с разумом.

Бах! Бах!

И вот выстрелы закончились, остались только щелчки.

Вышли, значит, все патроны. И уж тогда патрульных смяли почти мгновенно.

А несколько обезумевших тут же ринулись на меня, и именно в этот момент дверь той самой палаты, которую охраняли ППСники, распахнулась. Оттуда вылетел перепуганный доктор в синем медицинском костюме.

— Помогите! Помогите! Не бросайте меня! — увидев меня, заорал он.

Он был не полным тьюфом. С ходу оттолкнул одного, второго сшиб плечом. Еще один вцепился ему в штанину, и доктор рванулся, скинул его на ходу, потом с разбега отбросил еще одного. Вытолкнул прямо в окно — тот рухнул туда молча.

А ничего докторишка, могёт... не совсем пропащий.

— Сюда! — крикнул я. — Давай сюда, эскулап!

Со стены я сорвал огнетушитель и тут же пустил его в ход. Бил по голове, с душой и от плеча, двух упаковал почти сразу. Один сложился у плинтуса, как мешок с тряпьем, второй рухнул на стену и стек по ней. И больше не дернулся. Третий полез следом — я саданул и его, только удар пошел вскользь, свернул ему челюсть напрочь, выкрошил зубы, да толку оказалось ноль. Мозг не был задет, и тварь даже шаг не сбавила, будто ему не челюсть выхлестнули, а комара с лица смахнули.

Я швырнул в него огнетушитель и сбил, как кеглю. Он поднялся, не проронив ни звука.

— Быстрее! — рывкнул я. — Сюда.

Доктор добежал до меня, запыхавшийся, белый, как больничная простыня.

— Да?...

— Уходим.

Я схватил доктора за руку и потянул к выходу. У раковины уже проморгался седой охранник. Красные глаза у него слезились, лицо пошло пятнами, а сам он все еще стоял столбом, как будто ждал команды от кого-то сверху.

— Уходи, отец, — крикнул я. — Уходи!

— Нельзя мне уходить, — пробормотал он. — Не положено. Уволят меня.

— Дебил, — рывкнул доктор.

Уговаривать старика мы уже не стали. За нами по коридору неслась та самая стая. Молча, быстро, с топотом босых ног по линолеуму и шорохом сброшенной одежды.

Мы выскочили на крыльцо, успели захлопнуть за собой дверь, в последний момент я заметил валяющийся рядом костыль. Подхватил его, сунул под ручку, подпер им дверь. Рядом лежал и хозяин костыля, тот самый пациент, что недавно тыкал охранника под ребра своей ходулиной. Теперь у него шея была сломана, голова вывернута, глаза вытаращены так, будто он и после смерти все еще чего-то боялся.

— Бум! Бум!

С той стороны в дверь уже долбили. Костыль пока держал, но дверное полотно уже ходило ходуном, а в следующий миг

стекло в верхней рамке зазвенело и высыпалось наружу. Оттуда полезли голые.

А изнутри, перекрывая этот стук и звон, вдруг донесся душераздирающий крик охранника, который, похоже, до последнего боялся не смерти, а того, что его все-таки уволят.

— Не послушал ты, отец... — выдохнул я. — Теперь тебя точно не уволят.

Глава 4

— Что за чертовщина, док, у вас тут творится? — спросил я на ходу, когда мы с новым попутчиком бегом спускались с больничного крыльца.

— Не знаю, — просипел он, задыхаясь, будто мы только что отмахали хороший кросс. Пробежаться, конечно, пришлось, и кулаками помахать, но всё же это был короткий рывок.

Я покосился на него. Мужик был ещё не старый, возраста, с виду, непонятного. Лицо мятое и в ранних морщинах, будто в зарубках. То ли жизнь долго возила его мордой по асфальту, то ли пил по-чёрному, то ли какие-то иные пороки состарили раньше срока. Тяжёлая челюсть, глубоко посаженные глаза, как у старого боксёра. Покатый лоб и короткая стрижка дополняли совсем не интеллигентный портрет.

И всё это время правую руку он держал в кармане халата. Вот это сразу цепляло взгляд.

— У нас там машина. С водителем, — махнул я в сторону парковки. — Можем докинуть. Мы сейчас в отдел полиции едем.

— Нет уж, — пробурчал он и при слове «полиция» как-то весь подобрался, даже тревожно зыркнул по сторонам. — Никакой полиции. Мне с вами не по пути.

— А, чёрт... — вырвалось у меня.

Я посмотрел туда, где остался наш УАЗик, и внутри сразу похолодело. Машины на месте не было.

— Беркут! — крикнула Искра.

Она вынырнула из темноты внезапно, мой спутник вздрогнул весь с головы до пят и тихо матюгнулся. Девушка была в гневе, волосы растрёпаны, сама покраснелась, даже космы, казалось, ярче светились медью, как огонек.

— Этот гондон выкинул меня и бабуку из машины и смотрелся, — выпалила Искра.

— Как это — выкинул? — я опешил, но уже вполне сообразил, почему Вовочка сделал ноги.

Перебздел сержантик.

— Как, как. По-скотски. За волосы вытащил, — зло выдохнула девушка и тут же, с некоторой гордостью, добавила: — Но я так просто не далась... Я этому снусмумрику руку прокусила. До крови.

— Молодец... А бабуля где?

— Да вон же, — кивнула Искра на газон, где в темноте темнело бесформенное пятно.

— Чёрт... — выдохнул я. — Ничего святого, а еще форму носит.

— Да он просто обделался, — выпалила Искра. — Как слышал крики и выстрелы, сразу решил уматывать. Слушай, Макс, а что там у вас было? В больничке? И зачем ты Айболита привел? Он не поможет, бабке палата нужна, приборы, все дела.

Я не слушал. Подскочил к бабуле, присел на корточки. Та лежала без движения и с закрытыми глазами. В полумраке лицо казалось восковым. Смотрелось всё это откровенно нехорошо.

— Слышь, доктор, — бросил я через плечо. — А ну-ка глянь, что с ней.

Тот подошёл раздраженно, присел рядом и взял её за запястье, пытаясь нащупать пульс.

— Я, конечно, не врач, док, — сказал я, — но сам же видишь, она в глубокой отключке. На запястье при таком состоянии ты вряд ли что-то поймаешь. На шее смотри.

Он коротко глянул на меня, убрал пальцы с запястья и приложил к шее. То ли с перепугу, то ли от раздражения, что его заставляют заниматься медицинскими обязанностями, сделал он это как-то неловко.

Искра наклонилась над бабкой, всмотрелась в лицо и проворчала:

— Да поздно уже щупать. Вон, посинела вся.

Доктор отдернул руку и выпрямился.

— Угу. Мёртвая, это самое, — проговорил он. — Медицина тут уже бессильна.

Искра тревожно огляделась, дернулась в сторону парковки и проговорила:

— Нам срочно нужна тачка. Пока я ждала, тут толпа таких же голых придурков пробежала. За каким-то парнем гнались. Тот орал, они вон туда свернули, за угол и, похоже, всё-

таки догнали его. Так что, Макс, это какая-то чёртова дичь, и нам лучше бы вообще валить из города.

Я быстро оглядел парковку. Машин, допустим, хватало: легковушки стояли рядами, вот только все были заперты. Мы дёрнули одну, вторую, третью, и сразу стало ясно — ключей ни в одной нет.

Тогда доктор молча наклонился, поднял с клумбы камень и с размаху высадил боковое стекло у старенькой праворульной «Тойоты». Осколки брызнули на сиденье.

— Эй, — пробурчал я, машинально оглядываясь, — ты бы имущество не портил.

Сигналки слышно не было. Док уже умело шарил в бардачке, будто не впервые этим занимался.

— Когда всё это закончится, хозяин тачки тебе спасибо не скажет, — добавил я, хотя уже понимал, что вся эта петрушка, похоже, надолго.

Доктор на секунду замер, потом покосился на меня:

— А ты думаешь, это закончится?

В это мгновение на парковку вкатилась малолитражка. Два жёлтых глаза фар полоснули темноту, мазнули по асфальту и тут же погасли.

Машина остановилась, дверца открылась, из авто выбрался мужичок интеллигентного вида. Плешивая макушка, клочковатая бородёнка топорщится. Очки с толстыми линзами ловили тусклый лунный отблеск. Он растерянно огляделся, прижал к груди руки и, заметив нас, торопливо шаг-

нул ближе.

— Простите, — воскликнул он, запыхавшись. — Мне нужно в терапию, в третью палату, к Ольге Павловне Скорцовой. Это моя супруга. Вы не подскажете, туда сейчас пускают?

Я посмотрел на него, потом на окна больницы и покачал головой.

— Туда пускают, — сказал я, — только обратно ты уже вряд ли вернёшься. Езжай домой.

Мужичок моргнул, поправил очки и нервно сглотнул.

— Простите, — повторил он, — мне всё равно надо.

И тут доктор вдруг рявкнул:

— Дай ключи.

Он шагнул к интеллигенту, вырвал у него из руки брелок и так толкнул в плечо, что тот чуть не упал.

— Что вы делаете? — вскрикнул мужичок, совсем потевшись. — Это моя машина.

Только доктор его уже не слушал. Метнулся к малолитражке, рванул дверь, плюхнулся на водительское сиденье и хотел захлопнуться изнутри, но Искра в один миг повисла на двери, упёрлась обеими ногами в асфальт и заорала:

— Э, стоять! Куда это ты собрался? Бросить нас хочешь, позорник?

— Это же моя машина! — выл интеллигент, схватившись за голову. — Вы что творите?

Я подскочил к малолитражке, схватил лекаришку за во-

рот и дёрнул на себя. Тот оказался неожиданно крепким, упёрся как бык, вцепившись в руль, и мне пришлось всерьёз напрячься, чтобы выдрать его из салона и швырнуть на асфальт.

Он перекатился по парковке и почти сразу вскочил. Прошипел, сверкая глубоко посаженными глазами:

— Ты что творишь? Надо валить...

— Это угон, — парировал я.

Белохалатный тут же ринулся на меня с кулаками. Возиться с ним времени не было. Я просто влепил ему стопой чуть ниже живота. Вложился в удар жёстко, подобным приёмом когда-то складывал ребят и покрепче. Доктор жалобно взвыл, согнулся и рухнул к моим ногам, хватая ртом воздух.

Интеллигент уже хотел что-то выкрикнуть, но в этот момент со стороны больницы донеслись такие душераздирающие крики, что у всех присутствующих внутри похолодело.

Там ещё оставались нормальные люди. И теперь на них, судя по этим воплям, навалились те самые молчаливые твари, срывающие с себя одежду.

Интеллигент вскинул голову, прислушался и залепетал:

— Оленька! О боже, Оленька!

И неожиданно резво рванул в сторону больницы, а я только и успел крикнуть ему вслед:

— Стоять! Вернись, дурак!

Он даже не обернулся, скрылся в темноте, а врач, скорчившись у моих ботинок, с сиплой злобой выдыхал в мой

адрес какие-то проклятия. Я наклонился к нему, сорвал с халата бейджик и зажал его в кулаке.

— Как тебя зовут, док? — тряхнул я эскулапа за плечо.

Он скривился, поднял на меня злой взгляд и прохрипел:

— Что?

— Имя, — сказал я и, не дожидаясь нового выпада, взял его за палец и стал давить на излом, применив болевой.

Доктор взвыл, сразу забыл и про гонор, и про проклятия. А я наклонился ниже и повторил, глядя ему прямо в лицо:

— Имя свое назови.

— Макс, да поехали скорей, на фиг он тебе сдался, — заговорила Искра, оглядываясь то на тёмный корпус больницы, то на дальнюю часть парковки, откуда в любой момент могло вывалиться ещё с десятков молчаливых тварей.

— Сергей меня зовут, — прохрипел тот, морщась от боли и глядя на меня снизу вверх.

Я повертел в пальцах сорванный с халата бейджик, посмотрел на него, потом снова на рожу этого Сергея и хмыкнул.

— Странно. А на бейджике у тебя написано: Эдуард Алексеевич. И правая кисть у тебя в наколках. За что отбивал, по какой статье взяли?

— Макс, ты что, — вскинулась Искра. — Это же врач.

— Да не врач это, — отрезал я, не сводя с него глаз. — Врача он в палате приложил, потом переоделся в его халат. Этот урка здесь под конвоем лежал. Конвой сгинул, вот он и

решил, что самое время рвать когти.

— Я не убивал врача, — быстро проговорил тот, сглатывая. — Так, вырубил слегка.

— Ну, следствие разберётся, — сказал я и, не тратя больше слов, выдернул у него с пояса ремень.

Я завёл ему руки за спину, стянул запястья ремнём в самозатягивающуюся петлю, дёрнул потуже, проверил, чтобы не вывернулся, и поднял под локоть.

— Поехали, беглый. В милицию тебя увезу, в отделение. Он поднял голову и даже скривился.

— В какую ещё милицию?

— Ну, в полицию, — буркнул я.

До сих пор не привык к этой дурацкой замене.

— Макс, ты с ума сошёл? — зашипела Искра. — Мы что, сейчас с ним возиться будем, когда надо из города выбирать-ся? Тебе не пофиг ли?

Я шагнул к ней и заговорил тише, чтобы этот тип не слышал:

— Так надо. У нас ни оружия толком, ни нормального транспорта. Этот беглый зэк — наш пропуск в ОВД. А там есть оружие, понимаешь? Так что доступ будет не столько в полицию, сколько к стволам.

— Думаешь, менты просто так нам стволы дадут? — она недоверчиво вскинула бровь и повела подбородком в сторону центра города.

— Конечно, нет, — пожал я плечами. — Просто я умею

договариваться. Главное сейчас — внутрь ОВД попасть.

Зэка я посадил на переднее сиденье, пристегнул ремнём безопасности так, чтобы не дёргался и не выкинул по дороге какой-нибудь фортель.

Он заёрзал и скривился.

— Сидушку хоть отодвинь, — просипел задержанный. — Коленки в торпеду вдавливаются.

— Терпи, казак, — сказал я, захлопывая дверь.

— Обойдёшься, — тут же вторила мне Искра, забираясь назад. — У меня тут вообще места с гулькин нос, а я что-то не ною.

Машина была мелкая и тесная, почти игрушечная, и мы втиснулись в неё с большим трудом. Но всё же такой транспорт лучше, чем совсем никакого.

Я повернул ключ в замке зажигания. Двигатель сначала задумался, недовольно кашлянул, будто решал, стоит ли вообще нас везти, и только потом нехотя ожил. Я выжал сцепление, включил передачу, добавил газу, и малолитражка дёрнулась, а потом неуверенно покатилась с места.

Я толком не успел додумать мысль, что хозяину, как и его супруге, она уже вряд ли пригодится, а машина увозила нас подальше от проклятой больницы.

Ночной город будто вымер, только где-то вдалеке будто отражение настоящего звука, подвывали сирены. Потом пожарная машина пронеслась мимо нас на всех парах, полых-

нув красным мазком по витринам и мертвому асфальту.

Я уже начал было думать, что на этом отрезке проскочим спокойно, когда из переулка поперек дороги вдруг высыпала толпа голых людей, и вся эта масса, завидев малолитражку, сразу рванула на нас.

Я дернул руль, пытаюсь уйти в сторону, и Искра взвизгнула сзади, вцепившись в спинку моего сиденья.

— Осторожно, Макс!

— Дави их, — зашипел рядом задержанный, дернувшись в ремне. — Дави, чего ты?

Я и сам уже понимал, что перед нами не люди в обычном смысле, только давить на такой козявке толпу было себе дороже. Мы бы просто влезли носом в месиво тел, завязли бы на этой консервной банке по самые пороги, и нам всем довольно быстро пришел бы конец.

Уйти напролом — мощи не хватит. Так что нужно было что-то среднее, и я подбил двоих краем бампера, одну тварь сдернуло на крыло, вторую отбросило назад. От остальных ушел. Чудом увернулся.

— Что это за твари? — зачастила Искра, и в голосе у нее уже плескалась паника. — Что за твари? Они же... они все молча делают. Вообще молча. Мамочки, ну почему именно сейчас... Когда я только решила начать сначала!

— Это не твари... Молчуны это, твою мать, — выдал вдруг урка со страхом. — Молчуны.

Я коротко глянул на него.

— Молчуны? Сам придумал?

— А кто они еще? — огрызнулся он. — Молча нападают, молча рвут. Молчуны, мать их!

И снова поперек дороги оказались голые. Выросли из ниоткуда. В этот раз уйти так просто не получилось бы — стояли они, конечно, стайкой, но не такой плотной, растянутой. И я подтопил педаль, не дай бог остановиться и застрять. Врезался в толпу.

Нормальные люди разбежались бы, а эти ринулись навстречу. Машину тряхнуло так, что у меня зубы лязгнули. Капот вмялся, пластик бампера осыпаясь на асфальт. А в голове одна мысль стукнула особенно мерзко: только бы радиатор не пробили, только бы не встать. Я ловил руль, подбирал их по одному краем машины, отшвыривал, стараясь не в лоб и не всех сразу, а Искра, вжавшись в сиденье, уже причитала себе под нос:

— Держись, машинка, держись, миленькая, давай, давай, не сдохни только... Ну!

Малолитражка вырвалась из толпы с натужным воем, дернулась еще раз, подпрыгнула на чем-то мягком и, наконец, вынесла нас вперед, в пустую полосу, где никого уже не было. Искра шумно выдохнула:

— Фух... оторвались.

— Провались, — кивнул я. — Смотри внимательнее по сторонам. Увидишь толпу — предупреждай.

— Может, ну эту ментовку? — предложила Искра. — По-

ехали из города лучше, а? Погнали на выезд, Макс.

Я смотрел вперед, не сбрасывая скорость.

— Ты же видела, все выезды перекрыты. Нам надо понять, что происходит. И оружие нам тоже не помешает.

Урка, только услышав это, тут же подался ко мне, растягивая ремень:

— Пусти меня, слышь... я помогу раздобыть волюну.

— Ну да, — фыркнула Искра. — Чтобы потом ты нас первым делом из нее же и пришил. Не верь ему, Беркут.

— Заткнись, дура! — шикнул на нее псевдоврач.

— Мудила! — возмущенно выпалила Искра. — Он ещё меня душой называть будет... Бабку из-за тебя проворонили.

— Так, замолчали оба, — оборвал я их. — Тихо.

Дальше мы ехали уже без слов. Я вывел машину к зданию ОВД, потому что помнил, где оно стояло еще в мое время, и с удивлением увидел, что сам корпус почти не изменился. Та же серая трехэтажка, тот же угрюмый фасад, тот же въезд, только вывеска теперь висела другая. Синяя на белом, с подсветкой, и на ней значилось «полиция». Несколько ламп там уже перегорели, так что светилось не все слово. В темноте над входом горело странное, недобитое «лиция», от которого на душе стало еще смурнее.

Служебная парковка ОВД пустовала. Значит, все на выездах, на вызовах — тушат, так сказать, иные пожары. Я скользнул взглядом по фасаду и сразу отметил, что на первом эта-

же, где дежурка, оконные проемы закрыты железными ставнями, в них оставлены щели так, чтобы получилось что-то вроде бойниц. По-любому ввели сигнал оповещения «Крепость».

Это-то логично. Но вот пустят ли нас теперь внутрь – тот еще вопрос.

Машину я припарковал так, чтобы можно было спешно сделать ноги. Вынул ключи из замка зажигания, убрал в карман понадежнее.

— Вылазь, приехали, — распахнул дверь и выволок задержанного наружу.

Тот чуть споткнулся, но сразу выпрямился, поймал равновесие и зашептал, косясь на вход:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.